

ЗАВОЕВАНІЕ КОРОЛЕВСТВА ОБЪИХЪ СИЦИЛІЙ.

ВОСПОМИНАНІЯ МАКСИМА ДЮ-КАНА.

I. СИЦИЛІЯ.

«Quelque chose que je puisse dire, votre majesté ne peut se faire une idée de l'état d'oppression, de barbarie, d'avilissement dans lesquels ce royaume était.»

(Joseph Bonaparte à Napoléon) (*).

I.

По прїѣздѣ въ Геную, въ началѣ августа 1860 года, первымъ впечатлѣніемъ моимъ было удивленіе: экспедиціонный корпусъ Гарибальди, къ которому я желалъ присоединиться, комплектовался людьми безъ всякой тайны. Генуя, такъ сказать, освободившаяся изъ-подъ вліянія туринскаго правительства, сдѣлалась, повидимому, складочнымъ мѣстомъ, изъ котораго диктаторъ почерпалъ для Сициліи людей и боевые припасы, ему необходимые. Справедливость требуетъ прибавить, что когда пиемонтское министерство, желавшее воспротивиться отплытію от-

(*) «Что бы я ни говорилъ, но ваше величество не въ силахъ составить себѣ полнаго понятія объ угнетеніи, варварствѣ и униженіи, въ которыхъ находилось это государство.»

(ИОСИФЪ БОНАПАРТЕ НАПОЛЕОНЪ.)

ряда, предназначеннаго для высадки въ Марсалѣ, спросило военнаго начальника Генуи: можетъ ли онъ разсчитывать на свои войска, послѣдній отвѣчалъ, съ благородною откровенностію, что, по первому знаку Гарибальди, всѣ солдаты сардинской арміи дезертируютъ и послѣдуютъ за нимъ. При такомъ положеніи дѣлъ, лучше всего было воздержаться, закрыть глаза и выразить въ дипломатическихъ нотахъ сожалѣнія, быть можетъ, далеко не искреннія. Такъ и было сдѣлано, и ходъ событій показалъ, сверхъ вѣроятій, что освобожденіе и единство Италіи, которыхъ столь долго и столь напрасно домогались, на этотъ разъ были близки къ осуществленію. Надежда воспротивиться подобному движенію была бы безумствомъ.

Волонтеры, легко узнаваемые по краснымъ рубашкамъ, шумно расхаживали, подъ звуки барабановъ, по узкимъ улицамъ Генуи. Офицеры, цѣлыми группами, обѣдали въ кофейнѣ La Concordia; солдаты, большею частію до того молодые, что ихъ можно было смѣло принять за дѣтей, играли на бульварѣ Аква-Сола (Acqua-Sola); домъ доктора Бергани, души этого движенія, не переставалъ быть полнымъ; въ портѣ, дымившіеся пароходы наполнялись войсками, отправлявшимися къ мѣсту назначенія, и волонтеры громко повторяли возгласъ, долженствовавшій покорить королевство: «да здравствуетъ Италія, единая и нераздѣльная!» Это движеніе, суэта, военные марши, патриотическія пѣсни, перемѣшавшіеся съ обычнымъ дневнымъ шумомъ и нарушавшія тишину ночи, придавали странный характеръ городу: онъ былъ словно въ лихорадкѣ, въ *красной лихорадкѣ*, какъ остроумно выразился одинъ изъ министровъ короля Виктора-Эммануила, тотъ самый, который уже сказалъ: «Италія страдаетъ острою болѣзнью, которая до сихъ поръ не была извѣстна и которую доктора называютъ *гарибальдійка* (la garibaldite)». Болѣзнь или нѣтъ, но движеніе было величественно своимъ единодушіемъ: каждая провинція считала долгомъ чести послать солдатъ въ экспедицію освобожденія; старыя областныя враждованія, муниципальныя самолюбія, столько повредившія итальянской націи, забывались въ одной общей идеѣ. Мелкія государства, истощавшія прежде свои силы въ междоусобицѣ войнахъ, соединяли теперь свои стремленія пріобрѣсть, во что бы то ни стало, общую отчизну. И эти стремленія не останутся тщетными: слово становится плотью, и Италія будетъ, потому что захотѣла быть.

Въ это время, армія, находившаяся въ Сициліи подъ непосредственнымъ начальствомъ Гарибальди, почиталась уже достаточно сильною для покоренія Неаполитанскаго королевства и для низверженія правительства Франциска II, и потому шеститысячный отрядъ, собранный подъ начальствомъ полковника Панджіани, долженъ былъ постепенно сосредоточиваться на островѣ Сардиніи, чтобы броситься оттуда, въ рѣшительную минуту, въ Папскія Владѣнія и атаковать войска, ихъ защищавшія. Этотъ планъ, тайно составленный людьми крайней партіи, былъ, сколько я знаю, сообщенъ Гарибальди лишь въ послѣднюю минуту. Гарибальди, со свойственнымъ ему практическимъ здравымъ смысломъ, воспротивился предпріятію; онъ лично прибылъ въ Сардинію, однимъ словомъ своимъ распредѣлил экспедиціонныя войска и направилъ ихъ, подъ предводительствомъ главныхъ начальниковъ, въ Сицилію. Только полковникъ Панджіани, связанный обѣщаніемъ напасть на Папскія Владѣнія и убѣдившійся теперь въ сопротивленіи главнокомандующаго южною арміею исполненію своихъ плановъ, почелъ долгомъ удалиться. Какъ ни тайны были приготовленія къ экспедиціи, однако сардинское министерство знало о нихъ и твердо рѣшилось воспротивиться экспедиціи, если нужно, даже силою. Такимъ образомъ, въ тотъ самый день, какъ полковникъ Панджіани сѣдился въ Генуѣ на корабль, чтобы присоединиться къ своему отряду, расположенному въ Сардиніи, въ болотистомъ и дурно выбранномъ мѣстѣ Терра-Нуова (Тегга-Нуова), три баталіона берсальери (*), поспѣшно присланные изъ Турина, всходили на палубу фрегата съ тѣмъ, чтобы отправиться въ Тоскану, на границы Папскихъ Владѣній, и воспрепятствовать какой бы то ни было вооруженной высадкѣ волонтеровъ.

Что случилось бы безъ энергическаго и благоразумнаго рѣшенія Гарибальди? Или произошло бы столкновеніе съ сардинскимъ правительствомъ, стремившимся къ той же цѣли, но другими путями, или обнаружилась бы измѣна королевскихъ войскъ, которыя перешли бы на сторону инсurreкціонной арміи, чтобы сражаться наряду съ волонтерами противъ папскихъ солдатъ. Оба случая влекли за собою горькія послѣдствія, и благоразуміе

(*) Такъ называются въ сардинской арміи стрѣлки, сформированные въ отдѣльные баталіоны.

требовало избѣжанія ихъ: иначе, дѣло освобожденія, готовое совершиться, могло бы быть надолго отложено.

Я присутствовалъ при отъѣздѣ Пианджіани. Впослѣдствіи его отрядъ, направленный сначала на Мелаццо и Фаро, вышелъ на твердую землю въ верхней Калабріи, у Сапри — тамъ, гдѣ Пиакане нашелъ лишь смерть — присоединился къ южной арміи подъ стѣнами Канди и принималъ дѣятельное участіе, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, во всѣхъ бояхъ волонтеровъ съ солдатами Франсиска II, на берегахъ Волтурно. Въ понедѣльникъ 13 августа, послѣдніе люди экспедиціи Пианджіани, разстроившейся спустя три дня послѣ того, сѣли въ полдень на суда. Часть генуэзскаго населенія напутствовала ихъ пламенными пожеланіями.

Вечеромъ пришелъ нашъ чередъ.

Въ наше распоряженіе отданъ былъ пароходъ. Около десяти часовъ, генералъ Тюрръ, графъ Сандоръ Телеки, полковникъ Фрапполи и я отправились, не надѣвая мундировъ, въ Марину. Лодка ожидала насъ. Ночь была великолѣпная, безлунная, сіяющая звѣздами. Мы пробрались между заснувшими судами и вскорѣ пристали къ трапу корабля «Провансъ». Сначала каждый изъ насъ освѣдомился о каютѣ, ему назначенной; потомъ мы собрались на палубѣ, сѣли и молча любовались небомъ, на которомъ ярко отдѣлялся огонь генуэзскаго маяка, въ видѣ огромнаго метеора. Въ каждомъ отъѣздѣ чувствуется всегда нѣчто великое, глубокое; но на этотъ разъ обстоятельства придавали ему что-то задушевное и вмѣстѣ торжественное. Въ ту минуту, когда возвращеніе сдѣлалось невозможнымъ, каждый изъ насъ, конечно, бросилъ на свое прошлое мрачный взглядъ, вызывавшій видѣнія и призраки. Неизъяснимое волненіе охватываетъ васъ при мысли о томъ, что готово совершиться; всѣ неуловимыя и дорогія нити житейскихъ привязанностей соединяются, чтобы удержать васъ; голоса, казалось, умолкшіе, тихо встаютъ изъ глубины сердца и говорятъ: «останься»; вы потрясены; въ васъ говоритъ прежній человѣкъ и повторяетъ обѣщанія, которымъ онъ измѣнялъ уже столько разъ.

Около полуночи, подъ однообразный звукъ матросской пѣсни, мы снялись съ якоря; винтъ съ шумомъ завертѣлся позади кормы; капитанъ скомандовалъ: «въ путь». Мы вышли изъ порта и устремились къ полному прелести неизвѣстному — къ побѣдѣ или къ пораженію.

Море было къ намъ милостиво, небо покровительствовало намъ. Въ теченіе двухъ ясныхъ и теплыхъ дней, мы плыли по коварно-прекрасному Средиземному морю, волны котораго разсыпались сапфировыми брызгами, при ударѣ о бока нашего корабля. Слѣдуя въ недалекомъ разстояніи отъ Корсики и Сардиніи и проходя позади острова Эльбы, мы почти не теряли изъ вида синѣющихъ береговъ. Пурпуровые при закатѣ солнца, они мало по малу темнѣли съ наступленіемъ ночи, отражавшей въ водахъ мириады звѣздъ. На третій день, утромъ, около пяти часовъ, мы прошли вблизи острова Устика. Рыбачьи лодки, съ цвѣтными парусами, слѣзили къ берегу, будто розовыя птицы, скользившія по поверхности моря. Черезъ нѣсколько минутъ, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, предъ нами предсталъ громадный очеркъ Сициліи. «Этотъ островъ не имѣетъ ничего болѣе замѣчательнаго, кромѣ своихъ вулкановъ», пишетъ Реди Узбеку въ своихъ «Персидскихъ Письмахъ»; но это осужденіе слишкомъ рѣзко, и, мнѣ кажется, древняя Тринакрія подала уже на аппеляцію.

Опираясь на Монте-Пеллегриню, гору, охватывающую Палермо двумя мысами, какъ бы двумя рукавами зелени, городъ началъ мало по малу обрисовываться вдали, въ блестящей долигѣ, названной поэтому «Золотою Раковиною» (Conca d'oro), началъ обрисовываться со своими судами, колокольнями, укрѣпленіями и садами. Городъ еще въ полномъ безпорядкѣ. Онъ перевязываетъ свои раны, но уже чувствуешь, что онъ, въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, дышетъ свободно. Палермо — большой городъ, пропитанный какою-то атмосферою тайнаго сладострастія, заставляющаго мечтать о безконечныхъ медовыхъ мѣсяцахъ. Главнымъ дѣломъ Палермитянъ должно быть наслажденіе, потомъ отдыхъ, — не болѣе, но и не менѣе. Это страна серенадъ, холодныхъ сорбетовъ и шелковыхъ лѣстницъ. Впрочемъ, можетъ быть, подобнаго ничего и нѣтъ; можетъ быть, это скучный, совершенно меркантильный, наполненный монахами городъ. Я, точнѣе сказать, прошелъ его, нежели видѣлъ, и потому выражаю лишь мое первое впечатлѣніе, не повѣренное опытомъ. Въ Палермо много любопытнаго, между прочимъ соборъ, куда я и заходилъ; но мысли мои были далеки отъ художественныхъ произведеній и отъ исторіи: я скоро забылъ обширную церковь и обратилъ вниманіе на рекрутъ, учившихся

весьма изрядно на плацу, близъ церковной паперти. Молодой священникъ, въ короткихъ панталонахъ, въ широкой, обшитой золотымъ галуномъ шляпѣ, съ изображеніемъ савойскаго герба на воротникѣ, опирался ловко на свою саблю и смотрѣлъ, подобно мнѣ, съ большимъ вниманіемъ на военныя эволюціи. Я узналъ не безъ удивленія, что передо мною стоялъ командиръ баталіона священниковъ, готоваго сформироваться.

Сицилійское духовенство принадлежитъ, какъ мы здѣсь выражаемся, къ оппозиціи: оно не хочетъ болѣе Бурбоновъ. Значитъ ли это, что оно либерально? Сомнѣваюсь. Какъ бы то ни было, но первые выстрѣлы, при попыткѣ неудавшагося возстанія 4 апрѣля 1860 г., сдѣланы были изъ кармелитскаго монастыря Ганція. Монастырь, церковь и окрестные дома были разграблены. Гарибальди нашелъ себѣ поддержку въ бѣломъ духовенствѣ, которое не только вооружено противъ Бурбоновъ, но не расположено и къ папѣ; оно не разъ уже мечтало о счастливой долѣ независимой церкви, потому что между Римомъ и сицилійскою церковью давнишняя вражда. Провисшество, подавшее къ ней поводъ, чрезвычайно любопытно и доказываетъ, что страна, изъ-за горошка, можетъ находиться подъ запрещеніемъ и видѣть свои церкви и монастыри запертыми; но Дюкло такъ остроумно передалъ эту исторію, что я не позволю себѣ говорить послѣ него (*). Ранъ, нанесенныхъ духовному сословію, не имѣющему ни семейства, ни отечества, глубоко; онѣ излечиваются съ трудомъ, и сицилійское духовенство не забыло, сколько страдало изъ-за мнимыхъ правъ Рима, какъ было оставлено имъ, осуждено на изгнаніе и на нищету. Въ минуту общаго воззванія, священники въ Сициліи остались или нейтральными, или враждебными папѣ, и это было справедливо: папа пожинаетъ лишь то, что посеялъ.

Не знаю, что случилось съ баталіономъ священниковъ, который долженъ былъ носить на груди крестъ, а у бедра саблю; не знаю даже, получилъ ли проектъ полное осуществленіе.

(*) Фермеръ епископа липарскаго пріѣхалъ, въ 1711 году, въ Палермо и, не заплативъ установленнаго сбора, открылъ продажу горошка. Полицейскіе захватили товаръ, а епископъ отлучилъ ихъ за то отъ церкви. Прозошла борьба. Принявъ сначала сторону духовенства, Римъ отступился отъ него впоследствии и тѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе, не изгладившееся и донынѣ. *Mémoires secrets sur le règne de Louis XIV, la Régence et le règne de Louis XV, par Duclos; collection Barrière, p. 141 et seq.*

Впослѣдствіи, въ Калабріи и въ Неаполѣ, я видѣлъ священниковъ — священниковъ или монаховъ, не знаю — бородатыхъ, косматыхъ, которые слѣдовали за нашими войсками съ распятиемъ на груди и съ пистолетомъ за поясомъ, въ красныхъ рубашкахъ, выглядывавшихъ изъ-подъ грубой шерстяной рубашки. Священники эти говорили проповѣди казарменнымъ языкомъ и заставляли чаще смѣяться, чѣмъ размышлять. Они были волонтеры и не имѣли ничего общаго съ тѣми дѣятельными духовниками, которые, находясь при каждой бригадѣ, раздѣляли всѣ труды солдата, его жесткую постель подъ открытымъ небомъ, его хлѣбъ, размоченный въ мутной водѣ, и говорили раненымъ слова утѣшенія, открывающія встревоженной душѣ путь къ надеждѣ. Этихъ священниковъ любили и уважали; о первыхъ же могу только сказать, что я, лично, не слишкомъ люблю маскарады, и священникъ, играющій роль солдата, кажется мнѣ столько же занимательнымъ, какъ тамбуръ-мажоръ, служащій обѣдню.

Доказательства ужаса, наведеннаго сраженіемъ и бомбардированіемъ, происходившими въ іюнѣ мѣсяцѣ 1860 г., видны были еще на фронтонахъ палермскихъ домовъ. Всѣ, казалось, искали другой національности, чтобы стать подъ ея защиту отъ войскъ неаполитанскихъ. Надъ каждою дверью, буквами, наскоро написанными, значилось: *англійская собственность, французская собственность, бельгійская собственность, датская собственность.*

Опытъ происшествій, бывшихъ въ Неаполѣ 15 мая 1848 года, долженъ былъ, впрочемъ, доказать Палермитянамъ, что подобныя надписи не могутъ остановить солдатъ, не умѣющихъ читать; кромѣ того, жители Палермо могли убѣдиться, во время сраженія Неаполитанцевъ съ войсками Гарибальди, что первые грабили безъ разбора дома Итальянцевъ, Швейцарцевъ и Французовъ.

Съ наступленіемъ ночи странная жизнь закипѣла въ городѣ, ярко освѣщенномъ всякаго рода огнями: лампами, плошками, фонарями, сальными и восковыми свѣчами. Въ улицахъ, наполненныхъ экипажами, толпились пѣшеходы; разнощики продавали, съ разными криками, воду, сорбеты, апельсины, арбузы, фиги; въ набитыхъ биткомъ кофейняхъ пѣли во все горло; дѣти забавлялись хлопущками, съ единственною цѣлью прибавить къ общему

шуму новые звуки. Сумбуръ былъ такой, что трудно было разговаривать между собою. «Сегодня, вѣроятно, праздникъ?» спросилъ я. «Нѣтъ — отвѣчали мнѣ — это повторяется здѣсь ежедневно.» Проходя тихонько по улицамъ, наполненнымъ народомъ, я замѣчалъ въ каждой лавкѣ, рядомъ съ образомъ Мадонны, два портрета: Гарибальди и Виктора-Эммануила, освѣщенные лампадкою, теплившеюся предъ ними, какъ предъ святынею теплится свѣча. Впослѣдствіи, въ Мессинѣ, во всѣхъ городахъ Калабріи и Базиликаты, въ Неаполѣ даже, я постоянно видѣлъ тѣ же явленія суевѣрія, перешедшаго здѣсь въ необходимую потребность. Это — воспоминаніе языческихъ домашнихъ боговъ, примѣненное къ христіанской религіи.

Когда человѣкъ совершаетъ великое дѣло или когда на немъ сосредоточены общія надежды, его изображеніе раскупается, предъ нимъ теплится свѣча, его ставятъ на ряду съ патрономъ или чудотворцемъ, особенно покровительствующимъ дому, и, такимъ образомъ, дѣлаютъ изъ него для себя святаго. Сицилійцы не язычники и не христіане: они, просто, иконопоклонники.

Въ теченіе этого дня, товарищ мои справлялись во всѣхъ министерствахъ, гдѣ находится, въ настоящее время, Гарибальди, но никто не могъ дать имъ отвѣта; знали только, что Гарибальди уѣхалъ изъ Мессины на англійскомъ пароходѣ, но куда — неизвѣстно. Всякаго рода предположенія были въ полномъ ходу, и потому всѣ чрезвычайно удивились, узнавъ, гдѣ онъ былъ дѣйствительно въ то время, когда пустые толки заставляли его путешествовать.

Я легъ спать, давъ себѣ слово подробно осмотрѣть на слѣдующій день городъ и его окрестности; но въ пять часовъ утра меня разбудилъ офицеръ извѣстіемъ, что Гарибальди, вышедшій около полуночи на берегъ въ Палермо, уѣзжаетъ утромъ въ Мессину и что на его пароходѣ были приготовлены для насъ мѣста. Дѣйствительно, въ то время, какъ каждый, по волѣ своей фантазіи, посылалъ Гарибальди въ то или другое мѣсто, онъ направлялся въ Сардинію, чтобы разстроить экспедицію полковника Панджіани, потомъ, на возвратномъ пути въ Сицилію, находясь вблизи островка Капреры, не выдержалъ и повезъ туда сопровождавшихъ его друзей. Съ дѣтскою радостію принялъ ихъ Гарибальди на своей скалѣ, помѣстивъ въ домѣ, собственноручно выстроенномъ, показывалъ имъ во фруктовомъ саду де-

ревья, которыя прививаль самъ, водилъ смотрѣть свои рыболовные снаряды и маленькій портъ, вырытый имъ для своей лодки. Во время прогулки по узкой долинѣ, гдѣ пасется его немногочисленное стадо, произошла трогательная своею простотою сцена. Въ стадѣ была молодая корова, любимца Гарибальди, которая привыкла ѣсть прямо изъ его рукъ. Онъ уже говорилъ о ней друзьямъ своимъ и хвастался особенною кротостію «Чернушки» (*Brunetta*). Увидѣвъ свою любимцу, Гарибальди кликнулъ ее. Корова, поднявъ голову, посмотрѣла на него своими кроткими глазами, но не двигалась съ мѣста и выказывала признаки боязни. Гарибальди приближается, Чернушка отходитъ. Лишь только онъ сдѣлаетъ шагъ впередъ, она отодвигается шагъ назадъ. Онъ продолжаетъ ее звать, давая самыя нѣжные имена: «*Brunetta mia, mia cara Brunettina*» (Чернушка моя, милая моя Чернушечка); но ничто не помогаетъ, и корова, видимо встревоженная, начинаетъ гнѣвно мотать головою. Гарибальди, ничего не понимая, былъ въ отчаяніи; друзья его тайно подсмѣивались. Вдругъ онъ ударилъ себя по лбу: онъ угадалъ, въ чемъ дѣло. «Это наши красныя рубашки пугаютъ ее», сказалъ онъ и снялъ съ себя красную рубашку; друзья послѣдовали его примѣру, и тогда «Чернушка», совершенно успокоенная, тотчасъ же подставила свою красивую морду подъ ласкающую руку хозяина.

Часть спустя послѣ извѣщенія, нами полученнаго, мы были на палубѣ небольшого англійскаго парохода «*Amazon*», капитанъ котораго, сильный и проворный, не чувствовалъ подъ собою ногъ отъ радости, что на его долю выпала честь перевозить Гарибальди — «*the lion of the day*» (современнаго льва). Когда мы прибыли, часть штаба диктатора собралась уже на ютѣ, и я могъ видѣть людей, безусловно преданныхъ Гарибальди.

Во первыхъ, Векки, владѣтель обширныхъ рудниковъ въ Сардиніи, любящій Гарибальди съ какою-то, можно бы сказать, слѣпою вѣрою, еслибъ она не оправдывалась дѣломъ. Его привязанность истинно трогательна: онъ не оставляетъ Гарибальди въ сраженіяхъ, слѣдуетъ за нимъ всюду въ частной жизни и окружаетъ его утонченными заботами, возможными развѣ только для любовника въ отношеніи обожаемой женщины. Векки, несмотря на свои сѣдины, всегда веселъ — свойство добраго сердца и покойной души.

Джусмароли, маленькій, коренастый, бородатый, провор-

ный старичекъ, бывший священникъ, сбросившій съ себя рясу для служенія Гарибальди, слѣдовательно дѣлу Италіи. Онъ не отходитъ отъ Гарибальди, спитъ у дверей его комнаты и защищаетъ его своимъ тѣломъ въ минуты опасности. При взятіи Палермо, чтобы достигнуть королевскаго дворца, нужно было пройти по Толедской улицѣ, занятой двумя неаполитанскими баталіонами, производившими убійственный огонь. Джусмароли бросается въ улицу одинъ, останавливается, благополучно выдерживаетъ цѣлый залпъ, потомъ оборачивается и зоветъ знаками Гарибальди, который, ничего не понимая изъ всего видѣннаго, проходитъ опасное мѣсто безъ выстрѣла со стороны враговъ.

Фрочіанти, разстриженный монахъ, никогда не оставляетъ Гарибальди: въ частной жизни исполняетъ его приказанія, въ сраженіяхъ всегда находится подлѣ него, на Капрерѣ учитъ его прививать деревья. Они горячо спорятъ между собою о лучшемъ способѣ прививки и остаются, несмотря на то, друзьями. Странное дѣло! Гарибальди ненавидитъ духовенство, конечно, болѣе чѣмъ энциклопедисты XVIII столѣтія, и изъ двухъ его задушевныхъ друзей одинъ — бывший священникъ, другой — разстриженный монахъ. Въ арміи, генералъ, пользующійся быть можетъ, наибольшимъ довѣріемъ Гарибальди — Сиртори, также былъ монахомъ.

Тутъ былъ еще Бассо, секретарь, всегда готовый къ услугамъ, не падающій подъ страшнымъ бременемъ: читать всю корреспонденцію, получаемую ежедневно генераломъ изъ всѣхъ четырехъ концовъ земли.

Отъ берега отвалила шляпка. Другія лодки провожали ее: это Гарибальди спѣшилъ на пароходъ. Онъ быстро взомель на палубу, пожалъ каждому изъ насъ руку, каждому сказалъ ласковое слово, отдѣлался отъ двухъ десятковъ докучливыхъ просителей, подалъ знакъ капитану и удалился въ свою каюту. Подняли якорь, машина засвистѣла, и мы тронулись, оставляя позади себя лодки, наполненныя любопытными, которые махали шляпами и кричали: «да здравствуетъ Гарибальди!»

Мы шли на полныхъ парахъ къ востоку, вдоль сицилійскихъ береговъ. Они кажутся весьма плодородными, покрыты зеленью, испещрены тамъ и сямъ группами бѣлыхъ домяковъ и примыкаютъ къ горамъ, рѣзко обрисовывающимъ на голубомъ небѣ

свои фиолетовыя вершины. Море было покойно; нѣсколько морскихъ свинокъ играли вокругъ парохода, слегка вздрагивавшаго отъ вращенія винта. Я усѣлся на сѣткѣ лѣваго борта и сталъ наблюдать за двумя большими сѣрыми быками, спокойно жевавшими клочки сѣна, разбросаннаго по палубѣ. Въ эту минуту, къ намъ подошелъ поварь, здоровый, мускулистый, рыжій Англичанинъ, съ засученными руками, съ мохнатою грудью и съ апоплектическимъ лицомъ. Онъ долго смотрѣлъ на одного быка и ударилъ его наконецъ обухомъ по лбу. Животное зашаталось и, пораженное, повалилось со всѣхъ четырехъ ногъ на палубу. Поварь перерѣзалъ быку длиннымъ ножомъ горло и потоки крови хлынули къ ногамъ его. Глаза бѣднаго животнаго выразили необъятное удивленіе; оно привстало на переднія ноги, съ усиліемъ подняло голову, и кровавая, широкая рана на горлѣ представилась моимъ глазамъ; потомъ, раздувъ ноздри и открывъ поблѣднѣвшія уже губы, быкъ жалобно захрипѣлъ и недвижный упалъ на полъ... сердце у меня перевернулось... еще двѣ, три конвульсіи, и животное навсегда закрыло глаза. Его тотчасъ же стали разрѣзывать на части. Другой быкъ хладнокровно смотрѣлъ на все происходившее передъ его глазами, нюхалъ беззаботно кровь и снова принимался жевать сѣно. Животныя знаютъ, можетъ быть, лучше насъ, что они предназначены къ смерти, и потому смотрятъ на нее безтрепетно. Я припомнилъ слѣдующее мѣсто изъ Одиссеи: «Ты пріѣдешь на островъ Тринакрию, гдѣ пасутся быки и жирныя овцы Солнца. Если ты ихъ тронешь, предсказываю тебѣ гибель корабля и всѣхъ твоихъ товарищей».

О, дочери Феба и Нереи, Лампеція и Фаетуза, стерегущія священныя стада, гдѣ вы были въ то время, когда сребристый быкъ, похищенный изъ вашихъ стойлъ, призывалъ васъ, послѣднимъ стономъ, къ себѣ на помощь?

Мечтанія, возбужденныя во мнѣ видомъ береговъ и уносившія меня въ древность, прерваны были пѣснью, раздавшеюся на шканцахъ. Я пошелъ туда. Гарибальди, окруженный матросами, среди своихъ офицеровъ, стоя насупротивъ англійскаго капитана, смотрѣвшаго на него съ разинутымъ отъ удивленія ртомъ, пѣлъ. Одинъ молодой человекъ въ красной рубашкѣ вторилъ ему приятнымъ теноромъ. Гарибальди называлъ пѣсни, которыя желалъ слышать, припоминалъ ихъ напѣвъ, а если вовсе не зналъ ихъ,

то пѣлъ самъ. Это была братская, задушевная сцена. Пробовали, но неудачно, спѣть нѣсколько оперныхъ мотивовъ, и, по естественной склонности прямыхъ умовъ ко всему самобытному, перешли наконецъ къ народнымъ пѣснямъ. Гарибальди спѣлъ прекрасный неаполитанскій романсъ:

Io t'amo, tu lo sai,
Ma tu non pensi a mel (*)

Я могъ теперь разсмотрѣть его вполнѣ, и удивлялся силѣ, вложенной въ него самую природою. Гарибальди средняго роста, широкоплечъ и имѣеть крѣпкія ноги. Рука его тверда, жестка, какъ рука, привыкшая къ тяжелой, грубой работѣ; шея мускулиста; мясистый затылокъ закрытъ длинными бѣлокурыми, съ просѣдю, волосами. Лобъ, отъ природы открытый, кажется еще больше отъ начинающейся лысины и придаетъ лицу выраженіе величественнаго, невозмутимаго спокойствія; брови густыя; глаза, васильковаго цвѣта, дышать выраженіемъ необыкновенной кротости. Носъ, широкій, прямой, съ открытыми, могучими ноздрями, спускается къ густымъ усамъ, закрывающимъ наполовину пріятныя, хотя и толстыя, слегка чувственные губы. Рыжая борода, вмѣстѣ съ усами, закрываетъ подбородокъ и часть щекъ. Общимъ выраженіемъ лица Гарибальди похожъ на льва, спокойнаго и увѣреннаго въ своей силѣ. Въ тѣ минуты, когда Гарибальди отдается влеченіямъ своего сердца — а онѣ бывають часто у этой мощной натуры — онъ до крайности нѣженъ и доводитъ любезность свою до кокетства; въ гнѣвѣ онъ ужасенъ и заставляетъ трепетать самыя неустрашимыя сердца. Я присутствовалъ при одной изъ подобныхъ сценъ, оставшейся навѣки въ памяти лицъ, окружавшихъ тогда диктатора. Это было въ Казертѣ, въ главной квартирѣ, въ концѣ октября мѣсяца. Главноуправляющій королевскими имѣніями, кажется, князь Е...., просилъ позволенія видѣться съ Гарибальди, который, противъ обыкновенія, принялъ его въ той самой залѣ, гдѣ собрались, въ это время, офицеры его штаба. Главноуправляющій, въ парадномъ платьѣ, т. е. въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, послѣ двухъ, трехъ низкихъ поклоновъ, объявилъ, что онъ получилъ отъ одного изъ придворныхъ короля Виктора-Эммануила, спѣшившаго форсированными маршами, важное пись-

(*) Я тебя люблю, ты это знаешь,
Но ты не думаешь обо мнѣ!

мо, которое полагаетъ необходимымъ сообщить. Гарибальди подалъ знакъ согласія; князь Е.... вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ его вслухъ. Плохо пришлось бѣдному князю. Въ письмѣ говорилось, что, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, возбудившимъ удивленіе и негодованіе, солдаты южной арміи истребляютъ дичь въ королевскихъ лѣсахъ; князю Е.... поручалось немедленно сообщить лично диктатору, что подобное насиліе должно немедленно прекратиться. Гарибальди не могъ дослушать окончанія письма, вскочилъ и, приправивъ рѣчь свою крѣпкимъ словомъ, котораго я не рѣшусь повторить, сказалъ, или, скорѣе, крикнулъ: «Кто смѣетъ мнѣ, въ эти минуты, говорить о куропаткахъ и фазанахъ? Какъ! мои бѣдные, дурно одѣтые солдаты погибаютъ десятками отъ неаполитанской картечи, спятъ подъ сырими туманами Волтурно, переносятъ труды, погубившіе бы (его собственное выраженіе было далеко не такъ мягко) регулярную армію, а мнѣ приказываютъ еще наблюдать за неприкосновенностію дичи! Скажите болванамъ, пославшимъ васъ, что, если они позволяютъ себѣ еще разъ говорить мнѣ о подобныхъ дурачествахъ, я пушу всѣхъ моихъ Калабрійцевъ въ королевскіе лѣса, и ни одно животное не останется въ нихъ живымъ. Я же, лично, уѣду отсюда не тронувъ ни одного фазана.» Князь Е...., совершенно растерянный, не трогался съ мѣста и продолжалъ вертѣть шляпу въ дрожащихъ рукахъ. «А вы убирайтесь!» закричалъ Гарибальди, и несчастный ударился со всѣхъ ногъ. Подобныя вспышки случаются съ Гарибальди рѣдко. Въ частной жизни, онъ, напротивъ, чрезвычайно кротокъ и простодушно добръ.

Его наружность вообще не имѣетъ въ себѣ ничего обольстительнаго, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, который придаютъ этому слову женщины; но съ приближеніемъ его вы чувствуете присутствіе силы и невольно преклоняетесь. Когда Гарибальди говоритъ, все подчиняется ему. Его голосъ, самый мелодическій, какой я когда либо слышалъ, владѣетъ глубокими, звучными нотами, имѣющими неодолимую силу господства. Устранить себя отъ этого вліянія невозможно. Говоритъ ли Гарибальди въ тѣсномъ дружескомъ кружку, произноситъ ли собравшемуся народу торжественную рѣчь, онъ умѣетъ одинаково тронуть, увлечь, убѣдить. Въ добавокъ, онъ владѣетъ неоцѣненнымъ даромъ говорить лишь о томъ, о чемъ слѣдуетъ

сказать. Приведу въ доказательство примѣръ, поразившій меня. Неаполитанцы, эти неподражаемые мимики, придумали, послѣ вѣзда Гарибальди въ Неаполь, здороваться между собою не иначе, какъ поднимая указательный палецъ, т. е. мимически выражая фразу: *да здравствуетъ единая Италия!* Однажды, въ воскресенье, Гарибальди, пріѣхавшій въ Неаполь посѣтить раненыхъ, пошелъ обѣдать на Кіайю, въ гостинницу Grande-Bretagne. Все населеніе Неаполя, имѣя впереди знамена и музыкантовъ, собралось передъ трактиромъ и кричало такъ долго и такъ сильно, что Гарибальди принужденъ былъ наконецъ выйти на балконъ. Онъ поклонился толпѣ, просившей его сказать рѣчь, подумалъ нѣсколько секундъ, и вотъ, слово-въ-слово, что произнесъ онъ: «Что могу я сказать тебѣ, о мой любезный неаполитанскій народъ, тебѣ, который однимъ жестомъ указываешь Италиі на ея права и обязанности?» Потомъ, поднимая палецъ, онъ воскликнулъ: «Упа!» (единая!) Трудно себѣ представить крики одобренія, послѣдовавшіе за этими словами. Вообще, Гарибальди никогда не затрудняется въ словѣ, въ выраженіи; его приказанія такъ ясны, что невозможно не понять ихъ, а я полагаю, что на войнѣ хорошо понятое приказаніе наполовину исполнено.

Я былъ не разъ, въ теченіе моей жизни, близокъ къ людямъ, возбуждавшимъ зависть, но которые, слишкомъ часто, отличались лишь своею посредственностію, — къ людямъ, называемымъ *знаменитыми*. Меня всегда поражало, какъ мало было въ нихъ дѣйствительно достойнаго удивленія. Гарибальди, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ, не привелъ меня ни къ малѣйшему разочарованію.

Не отнимая нисколько у Гарибальди его громаднаго значенія въ дѣлѣ освобожденія Италиі, надо, однако, сказать, что онъ нашелъ огромную поддержку въ самой націи. Весь народъ, происходящій отъ одного корня, говорящій однимъ языкомъ, исповѣдывающій одну религію, члены котораго отдѣлены отъ общей семьи лишь дипломатическими границами, — народъ этотъ, говорю я, усталъ чрезъ мѣру отъ самовластныхъ раздѣленій, произведенныхъ, безъ его согласія, мелкими тиранами средних вѣковъ и новѣйшими дипломатическими кабинетами. Ему справедливо наскутило считаться какимъ-то стадомъ, раздроблен-

нымъ поголовно.... Онъ сосчиталъ себя; онъ не сомнѣвается болѣе въ своемъ названіи—*двадцать-четыре миллиона людей*; онъ хочетъ собрать свои разбросанные члены, хочетъ соединиться и быть единымъ.

Какъ человѣку, долго находившемуся подъ развалинами, которому осторожные врачи дозволяютъ воздухъ и солнце лишь понемногу, народу итальянскому надоѣла неизбѣжная медлительность дипломатіи. Неудержимо стремясь къ единству, постоянной своей мысли, сильный убѣжденіемъ, увѣренный въ несостоятельности старыхъ канцелярскихъ обрядовъ, итальянскій народъ началъ самъ свое дѣло, прося лишь у коронованныхъ вождей своихъ оставаться спокойными зрителями борьбы. Признавая вполне высокія, патріотическія дарованія Кавура, народъ могъ думать, что онъ еще колебался въ то время, когда слѣдовало дѣйствовать. Чтобы помочь министру въ столь трудномъ дѣлѣ, народъ хотѣлъ бросить на вѣсы тяжелую гирю свершившагося событія и обратился весь къ Гарибальди, призывавшему его. Между Гарибальди и итальянскимъ народомъ существуетъ безусловное довѣріе. Они убѣждены: первый—что онъ ведетъ къ побѣдѣ, второй—что его ведутъ къ побѣдѣ, и этимъ однимъ могутъ быть объяснены многіе военные успѣхи. Обѣ стороны чувствуютъ взаимное влеченіе, почти околдованы одна другою: Итальянцы слѣдуютъ за Гарибальди, такъ, какъ крестоносцы шли за Петромъ Пустынникомъ.

Въ глазахъ итальянскаго народа, довѣрчиваго, неразвитаго, крайне воспримчиваго, Гарибальди стоитъ теперь выше человѣка: онъ почти святой, почти апостоль. Правда, его не просили еще благословлять оружіе и прикасаться къ больнымъ для исцѣленія, но и это легко можетъ случиться. Вотъ въ доказательство фактъ, свершившійся на моихъ глазахъ, въ присутствіи тридцати особъ, на палубѣ корабля «Амазон», гдѣ Гарибальди пѣлъ, смѣялся и разговаривалъ съ нами. Въ числѣ пассажировъ, взошедшихъ на нашъ пароходъ въ Палермо, былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, крайне близорукій; онъ былъ одѣтъ въ красный камзолъ съ зеленымъ воротникомъ и такими же украшеніями—костюмъ офицеровъ національной арміи во время осады Рима въ 1849 году. Этотъ человѣкъ съ 1849 г. не видалъ Гарибальди. Отыскавъ его на палубѣ, онъ подошелъ къ нему, назвалъ себя, взялъ Гарибальди за руки и дрожащимъ голосомъ, со слезами на гла-

захъ проговорилъ: «Я хочу просить у васъ, передъ прощаньемъ, одной милости—не откажите мнѣ, одному изъ вашихъ старыхъ сотоварищей по оружію, который никогда не отступалъ предъ долгомъ чести—дайте мнѣ, генералъ, одну изъ вашихъ пуговицъ, какъ талисманъ на всю мою остальную жизнь». Гарибальди засмѣялся, вынулъ изъ кармана ножикъ, отрѣзалъ пуговицу и передалъ ее своему поклоннику. «Пускай теперь пули осмѣлятся коснуться меня!» воскликнулъ тотъ, принимая съ гордостію за вѣтнѣй талисманъ. Смѣшно ли это, или трогательно до слезъ? право, я и самъ не знаю.

«Ангелы осѣняютъ его своими крыльями», говорили Палермитянки, видя, какъ Гарибальдъ иневредимо ходилъ подъ градомъ пуль. Каждый день онъ служить предметомъ новой легенды; да и можетъ ли быть иначе? При Мелатто, Гарибальди находился подъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ, стремя его было разбито, подошва башмака оторвана; при Реджіо его шляпа была прострѣлена; при Вултурно ружейная пуля разорвала портупею его сабли. Мишле сказалъ о Гарибальди слова глубокаго смысла: «это счастливецъ». Дѣйствительно, высадка въ Сицилію просто волшебная сказка. Неаполитанскіе крейсера, предупрежденные объ отплытіи Гарибальди изъ Генуи, повсюду искали его. Они оставили только на три часа марсальскій портъ, и именно въ этотъ короткій промежутокъ времени онъ прибылъ туда, ведомый судьбами Италіи. Онъ зналъ, что въ городской казармѣ 600 солдатъ, и, тѣмъ не менѣе, сказалъ генералу Тюрру: «возьмите съ собою двадцать человекъ, избѣгайте, по возможности, явной опасности и захватите въ плѣнъ королевскія войска». Тюрръ повиновался, бросился въ казарму и нашелъ ее пустою: за два часа предъ тѣмъ баталіонъ выступилъ въ Катану. Пусть не повторяютъ избитой фразы объ измѣнѣ, которою стараются объяснить все. Когда экспедиція вышла изъ Генуи, никто, даже самъ Гарибальди, не зналъ, въ какомъ мѣстѣ Сициліи произойдетъ высадка: положились на случай — бога храбрыхъ. Удача, счастье! повторяемъ мы, улыбаясь. Но масса итальянскаго народа не идетъ такъ далеко—она просто говоритъ: чудо! Люди весьма неглухие увѣряли меня серьезно, что красная рубашка, которую носитъ Гарибальди — обыкновенная матросская рубашка — заколдована, что Гарибальди встряхиваетъ ее послѣ сраженія, и пули, удара которыхъ онъ даже и не чувствовалъ, сыплются на

землю. «Онъ неуязвимъ — говорила инѣ одна знатная дама въ Базиликатѣ—потому что ему, вмѣсто оспы, привили священные дары.» Многіе увѣряютъ, будто встрѣчали его одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ; тѣ, которые видѣли въ сраженіи при Вултурно, съ какою непостижимою скоростію онъ переносился съ одного мѣста боевой линіи на другое, противоположное, т. е. на разстояніе болѣе трехъ лье (двѣнадцати слишкомъ верстѣ), появляясь всегда тамъ, гдѣ присутствіе его было наиболѣе необходимо, допустятъ, пожалуй, вмѣстѣ съ вѣрующими, что Гарибальди одаренъ вездѣбытностію.

Народная поэзія овладѣваетъ не только именемъ Гарибальди, но восходитъ далѣе, къ его предкамъ. Палермитяне не перековеркали фамиліи диктатора, подобно Калабрійцамъ, называющимъ на своемъ нарѣчій Гарибальди — Каробардо; но, желая придать ему необычайное происхожденіе, увѣряютъ, что слово «Гарибальди» есть слово неправильное, испорченное, и что настоящее имя освободителя — Синибальди. Надобно замѣтить, что святая Розалія, покровительница Палермитянъ, никогда не отказывавшая имъ въ чудѣ, принадлежитъ по отцу къ роду Синибальди.

Гарибальди не обращаетъ вниманія на эти сказки: всѣ мысли его устремлены на цѣль его дѣйствій, желаній и мечтаній....

Хотя всѣ западныя народности привѣтствовали Гарибальди съ восторгомъ, но онъ, надо сказать правду, не всѣ ихъ любитъ въ одинаковой степени, и полагаю даже, что онъ не расположенъ къ Франціи за ея прошлыя дѣла: онъ чувствуетъ еще — и это весьма натурально — тягость воспоминаній, возбужденныхъ осадю Рима и неожиданнымъ виллафранкскимъ миромъ. Какъ Итальянецъ и предводитель войны за независимость, онъ склоненъ болѣе къ свободѣ, чѣмъ къ равенству; потому особое пристрастіе его къ Англіи высказывается при каждомъ удобномъ случаѣ. На Французовъ же Гарибальди смотритъ, какъ на народъ съ хорошими наклонностями, но остановленный на пути своего законнаго развитія. Въ этомъ отношеніи, онъ неправъ. Если между всѣми націями есть хотя одна, предназначенная Богомъ дать свободу міру, то это именно Франція, нація общительная, всегда готовая на жертвы, совершенно женственная; она имѣетъ всѣ слабости женщины, всѣ ея увлеченія и ея способность къ самопожертвованію. Даже и въ настоящую минуту

народы приходятъ искать, на материнской груди Франціи, рѣшимости, мужества и надежды. Англія съ завистію хранитъ собственную свободу и разрушаетъ ее у другихъ; Франція, со своею великодушною непослѣдовательностію, готова скорѣе сдѣлать обратное (*).

Наконецъ, чтобы затронуть вопросъ, интересъ котораго не успѣлъ еще совершенно остыть, скажемъ, что диктаторъ не простилъ Франціи, и никогда не проститъ, присоединенія Савоіи и Ниццы. Мнѣ кажется, что Гарибальди, даже и съ итальянской точки зрѣнія, неправъ. Я бы желалъ, съ своей стороны, чтобы Франція не гонялась за такъ называемыми «естественными» границами, потому что Альпы никогда не мѣшали спускаться въ Италію, хотя бы чрезъ Сенъ-Бернаръ, такъ же, какъ Рейнъ никогда не былъ препятствіемъ для вторженія нашего въ Германію. Франція есть то, что она есть, и, каковы бы ни были ея границы, значеніе ея такъ велико, что заставляетъ европейскіе вѣсы склоняться на ту сторону, гдѣ она находится: видно, мы наслѣдовали мечъ Бренна. По многимъ другимъ причинамъ, перечислять которыя излишне, Франція, мнѣ кажется, сдѣлала, въ этомъ случаѣ, ошибку, потому что, увеличивъ свою территорию, она тѣмъ самымъ уменьшила — а это весьма важно — нравственный смыслъ своего прекраснаго поступка. Но хорошо ли сдѣлалъ Пиемонтъ, независимо отъ особыхъ обстоятельствъ, заставившихъ его уступить, отдавъ своей сильной сосѣдкѣ горы Савоіи и графство Ниццу? Съ той минуты, какъ все французское должно было принадлежать Франціи, само собою разумѣется, все итальянское переходило къ Италіи. Единство Италіи было логическимъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ уступки обѣихъ провинцій. Полковникъ Фрапполи, человекъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный, хорошо понялъ это, когда, въ засѣданіи туринскаго парламента 29 мая 1860 г., обратился въ ту сторону палаты, гдѣ сидѣлъ французскій посолъ, и воскликнулъ: «тебѣ, Французъ — цѣлая Франція, намъ — единая Италія!» Какъ бы далеко ни простерлось увеличеніе итальянскихъ владѣній савойскаго дома, Франція должна молчать, и событія подтвердили это. Послѣдствія уступки ясны теперь Итальянцамъ, даже

(*) Предоставляемъ нашимъ читателямъ оцѣнить по достоинству эту хвастливую выходку Француза; но каковъ же долженъ быть *сердечный* союзъ при параллели, проведенной авторомъ между Франціей и Англіей? Ред.

самымъ предубѣжденнымъ; только Гарибальди одинъ, быть можетъ, отказывается признать ихъ. А, между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что возможность выйдти изъ Мессины, свободно высадиться, вблизи французскаго фрегата, на берегъ Калабріи, завладѣть безъ выстрѣла столицею королевства Обѣихъ Сицилій, изгнать древнюю династію и соединить воедино различныя государства Италіи, — все это куплено тою уступкою, воспоминаніе о которой заставляетъ сердце Гарибальди обливаться кровью, льющеюся изъ не закрытой ещеразы. Желаніе его, по занятіи Неаполя, оставить предъ Капуей наблюдательный корпусъ и броситься на Римъ было возбуждено, безъ сомнѣнія, этимъ же горькимъ воспоминаніемъ; но къ чему повело бы смѣлое предпріятіе? Онъ непремѣнно погибъ бы и, можетъ быть, погубилъ бы и всю Италію (*).

Не эти мысли, впрочемъ, волновали меня въ то время, какъ я смотрѣлъ на Гарибальди: я отдался вполне прелести наблюденія за героемъ, весело распѣвавшимъ родныя пѣсни. Около трехъ часовъ увидѣли мы передъ собою военное судно, бѣлые паруса котораго незамѣтно сливались съ дальними туманами; но намъ нечего было бояться: мы плыли только въ трехъ кабельтовахъ (360 сажень) отъ берега и въ нѣсколько оборотовъ винта могли пристать къ нему; притомъ, всѣми уважаемые цвѣта англійскаго флага развѣвались на нашей мачтѣ. Судно, находившееся въ виду, удалилось, потомъ совершенно исчезло, и мы остались одни на морѣ, вблизи сицилійскихъ береговъ. Послѣ непродолжительнаго ужина, за которымъ Гарибальди, по неизмѣнной привычкѣ, перенятой имъ у Самсона, пилъ одну воду, каждый изъ насъ приготовилъ себѣ, какъ умѣлъ, постель. Нѣсколько блуждающихъ огоньковъ показались на морѣ: это рыбаки, при свѣтѣ фонарей, били острогами рыбу.

«Что такое Мелаццо?» писалъ Наполеонъ брату своему Юсифу, въ то время, когда готовилъ свою неудавшуюся экспедицію въ Сицилію. Если бы мнѣ предложили тотъ же вопросъ, я не

(*) Вопросъ о присоединеніи Савойи и Ниццы давно обсужденъ и рѣшенъ европейскими политиками не въ пользу Франціи, и авторъ напрасно старается оправдать великую націю парадоксальными выводами. Если Франція, по собственному его увѣренію, одна во всемъ мірѣ держава, сражающаяся за идею, то зачѣмъ же она не ограничилась невещественнымъ успѣхомъ, а прибрала къ рукамъ Савойю и Ниццу?

сѣумѣлъ бы на него отвѣтить, хотя и былъ въ этомъ городѣ. Я сопровождалъ генерала Тюрра, вышедшаго въ полночь на берегъ, чтобы отдать начальнику бригады, принадлежавшей къ его дивизіи, нѣсколько приказаній. Я помню большую въ-гору улицу, освѣщенную одинокимъ фонаремъ; помню молодыхъ солдатъ, спавшихъ на землѣ; помню, что имѣлъ неосторожность сѣсть на тюфякъ, гдѣ Фло, царь блохъ, давалъ пирь всѣмъ подданнымъ своимъ; я помню также размѣренный стукъ шаговъ обходившаго городъ патруля, — вотъ и все. На зарѣ мы снова перебрались на пароходъ. Въ то время, какъ судно готовилось къ отплытію (пароходъ долженъ былъ бросить якоря, чтобы противостоятъ весьма быстрому морскому теченію), я увидѣлъ въ глубинѣ бухты городъ Мелацио, который защищенъ хорошимъ фортомъ, выстроеннымъ на косѣ, командующей, въ одно время, и берегомъ и моремъ. Красивая блѣдная зелень подымалась уступами по холму, озаренному первыми лучами восходящаго солнца; но мнѣ было не до того: усталый, я завернулся въ плащъ, растянулся на скамьѣ и заснулъ.

Когда я проснулся, мы огибали длинную, плоскую песчаную косу, которая оканчивалась круглою бѣлою башнею. Это былъ Фаро. Загремѣли цѣпи якорей, и мы остановились въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Предъ нами была Сицилія, «подъ стѣнію Этны»; налѣво Мессина блистала бѣлыми и розовыми оттѣнками; направо Средиземное море разстилало свои величественныя синія воды; возлѣ насъ, въ городкѣ Фаро, расположенномъ на берегу, подъ прикрытіемъ батарей, раздавался барабанный бой и слышались звуки рожка. Позади насъ была Калабрія, со своими громадными, дикими горами; на ихъ вершинахъ горѣли огни, служившіе революціонной арміи сигналами. Внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей, вдоль противоположнаго берега, ходили безпрестанно взадъ и впередъ два неаполитанскіе фрегата. Ихъ двойныя, наклоненныя трубы извергали столбы чернаго дыма. Насупротивъ Фаро, возлѣ маленькой бухты, окруженной бѣлыми песчаными берегами, возвышается коническая скала, увѣчанная крѣпостью. Скала и крѣпость образуютъ какъ бы одно цѣлое: это Сцилла. Древнее проклятіе боговъ защищаетъ еще, кажется, это чудовище, потому что Поль де-Флоттъ палъ вблизи Сциллы. Въ 1844 году я проѣзжалъ уже чрезъ Мессинскій проливъ. Голова моя тогда была еще полна тѣми мечтами, постепенное

разрушеніе которыхъ заставляетъ насъ такъ сильно жалѣть объ угасающей молодости. Все мнѣ казалось прекраснымъ; картины природы очаровывали меня. Закатъ солнца за холмами, голубой заливъ, окоймленный тѣнистыми берегами, бѣлый городъ, какъ бы заснувшій въ зеленомъ альковѣ, минаретъ на берегу пруда, — все приводило меня въ безконечный восторгъ, отлетѣвшій — увы! — навсегда. Я холодно смотрѣлъ теперь на сицилійскіе берега, на калабрійскія горы, внушавшія мнѣ прежде какое-то религиозное уваженіе. Если бы тотъ человѣкъ, какимъ я былъ прежде, встрѣтился съ нынѣшнимъ человѣкомъ на этихъ самыхъ берегахъ, я сомнѣваюсь, узнали ли бы они другъ друга. Что могъ отвѣтить одинъ на окликъ другаго?

Гарибальди сошелъ на берегъ въ Фаро, и мы скоро увидѣли его вдали, въ каретѣ, на прибрежной дорогѣ, ведущей въ Мессину. Онъ ѣхалъ, не отдыхая, въ Таормину, для инспектированія первой бригады, назначенной къ высадкѣ на твердую землю. Съ большимъ затрудненіемъ сыскали мы себѣ лодку съ тремя гребцами, которая и доставила насъ довольно быстро въ Мессину, несмотря на значительное волненіе и противный вѣтеръ.

II.

Я сохранилъ жалкое воспоминаніе о Мессинѣ. Я помню большой, грязный городъ, съ непрерывающимся ни днемъ, ни ночью колокольнымъ звономъ. Это не звонъ голландскихъ колоколовъ, громко возносящійся съ высоты древнихъ готическихъ соборовъ въ воздушное пространство; это не глухой звукъ французскихъ большихъ колоколовъ, торжественно призывающихъ къ молитвѣ: это, просто, бессмысленный, раздражающій шумъ, который возобновляется, безъ всякой видимой причины, по десяти разъ въ часъ, какъ будто колокола звонятъ сами собою, изъ одинаго удовольствія позвонить. Если къ этому прибавить грохотъ барабановъ, рѣзкіе трубные звуки, пѣсни волонтеровъ, проходящихъ кучками по улицамъ, ружейные выстрѣлы, ежеминутно производимые новобранцами-Сицилійцами, какъ бы желающими убѣдиться, что ихъ ружья дѣйствительно настоящія, скрипъ первобытныхъ телѣгъ, запряженныхъ волами, понудительные крики погонщиковъ ословъ, кучеровъ, подгоняющихъ лошадей, носильщиковъ, пролагающихъ себѣ путь, пискливыхъ

торговокъ, продающихъ разные товары, командныя слова офицеровъ, наконецъ правильный шумъ, производимый учащимися солдатами,—то вы будете имѣть полное понятіе объ этомъ гвалтѣ, способномъ раздражить самыя крѣпкіе нервы.

Наша армія вовсе не была нерелигіозною, какъ можно было бы подумать: по воскресеньямъ, каждая бригада, предшествуемая музыкой, отправлялась къ обѣднѣ. Изъ окна я часто наблюдалъ за нашими молодыми солдатами: они держатъ себя немного нараспашку, одѣты скорѣе въ одинаковый цвѣтъ, чѣмъ въ одну форму, проходятъ въ плохо выровненныхъ рядахъ, разговариваютъ между собою, перекликаются со встрѣчными, носятъ разнокалиберныя шапки, но за то веселы, живы, ловки, въ полномъ смыслѣ слова добрые малые; они болѣе послушны, чѣмъ дисциплинированы, неохотно являются къ вечерней зарѣ, но быстро сбѣгаются при первомъ звукѣ тревоги, напоминая собою подвижную гвардію, такъ сильно интересовавшую Парижъ въ 1848 году.

Въ это время, въ южной арміи считалось около 15,000 человекъ подъ ружьемъ, раздѣленныхъ на три дивизіи, подъ командою генераловъ Тюрра, Медичи и Козенца. Впослѣдствіи, когда подоспѣли подкрѣпленія, присланныя генуэзскимъ комитетомъ, и присоединились рекруты изъ Калабріи, сформированы были еще двѣ дивизіи: Сиртори и Нино Биксіо. Ядромъ этой арміи, составленной исключительно изъ волонтеровъ, были сѣверные Итальянцы. Всѣ молодые люди изъ Венеціанской области, ускользнувшіе отъ строгой бдительности австрійской полиціи, находились между ними; Миланъ прислалъ превосходный отрядъ стрѣлковъ (берсальери), который соперничалъ въ храбрости и увлеченіи съ генуэзскими берсальери, отличившимися въ сраженіяхъ при Калатафими и Мелаццо. Два воинственные города Ломбардіи: Бергамо и Брешія, не уронили своей славной репутаціи, и лучшіе сыны ихъ находились подлѣ Гарибальди. Романьолы также поспѣшили стать подлѣ знамя зеленаго, бѣлаго и краснаго цвѣтовъ. Ихъ всегда можно было отличить по звучности говора и истинно-геройскому терпѣнію въ перенесеніи трудовъ. Мы имѣли много Тосканцевъ, большею частью крайне молодыхъ и удивительно стойкихъ въ дѣлѣ. Модена и Парма равнымъ образомъ прислали своихъ представителей. Однимъ сло-

воиъ, можно смѣло сказать, что вся Италія почла за священный долгъ послать сыновъ своихъ для освобожденія той части общаго отечества, которая ждала избавленія. Немало было и иноземнаго элемента. Мы считали подъ красной рубашкой много Венгерцевъ, нѣсколько Нѣмцевъ, сотню Французовъ, Швейцарцевъ въ значительномъ числѣ, нѣсколько Поляковъ и много Англичанъ, особенно въ офицерскихъ званіяхъ. Что касается до англійскаго легіона, силою въ 1,200 человекъ, одѣтаго и вооруженнаго по общественной подпискѣ въ Англии и о которомъ такъ много говорили, то онъ присоединился къ намъ позже, въ Неаполѣ, въ половинѣ октября мѣсяца.

Попробовали возбудить въ Сицилійцахъ военный духъ, но дѣло оказалось не легкимъ и не удалось. Напрасно говорили имъ о національности, напрасно старались потрясти ихъ словами «отечество и свобода»: Сицилія оставалась глухою..... За недостаткомъ энтузіазма, влекущаго иногда народы къ опасностямъ, какъ къ самому священному долгу, предписано было произвести насильственный рекрутскій наборъ, доставившій арміи войско, хотя и не всегда блестящее въ бояхъ, но подававшее признаки энергіи и способное переносить усталость.

Я слышалъ, какъ иные съ горечью упрекали Сицилійцевъ и придавали имъ эпитеты, повторять которыхъ я не желаю, такъ какъ они вовсе не выражаютъ моей мысли. Вообще, къ Сицилійцамъ были слишкомъ строги, потому что не принимали въ расчетъ той ужасной, расслабляющей и унижающей тирании, изъ-подъ ига которой этотъ несчастный народъ былъ такъ неожиданно освобожденъ. Сицилійцы и теперь едва вѣрятъ своимъ глазамъ. Они смотрѣли на насъ съ удивленіемъ и не знали, какъ держать себя; они душевно желали радоваться, хлопать въ ладоши, но боялись себя компрометировать. Не слѣдуетъ удивляться, что, въ первыя минуты новой для Сицилійцевъ свободы, въ нихъ не могло выказаться воинственнаго увлеченія: въ странѣ не существовало конскрипціи и не было ветерановъ, которые разсказами о бояхъ и о военной жизни могли бы пробудить чувство военнаго самолюбія. Неаполитанское правительство тщательно избѣгало набора рекрутъ въ Сициліи: островъ былъ совершенно избавленъ отъ военной повинности. Бѣдные Сицилійцы говорили сами съ трогательною

простотою: «мы не знаемъ, что значитъ быть солдатомъ; но это пройдетъ современемъ, и мы будемъ драться такъ же хорошо, какъ и другіе». Они выказывали добрую волю, и этого было достаточно. Это, по крайней мѣрѣ, все, чего отъ нихъ можно было требовать.....

Въ силу конвенціи, заключенной, 28 іюля 1860 года, между генераль-маіоромъ Томасомъ де-Клари со стороны Франциска II и генераль-маіоромъ Джакомо Медичи со стороны диктатора Гарибальди, положено было городъ Мессину, съ его фортами, сдать южной арміи, за исключеніемъ цитадели и фортвъ Донъ-Бласко, делла-Лантерна и Санъ-Сальвадоре, которые должны были остаться во власти неаполитанскихъ войскъ, «съ условіемъ, однако, отнюдь не наносить вреда городу, кромѣ случая, если сказанныя укрѣпленія будутъ атакованы или если апроши противъ нихъ будутъ ведены въ самомъ городѣ. По утвержденіи конвенціи, цитадель не должна была открывать противъ города стрѣльбы до прекращенія военныхъ дѣйствій». Цитадель и форты, о которыхъ я только что говорилъ, предназначенные собственно для защиты Мессины со стороны моря, удалены отъ города; но они имѣютъ такое командованіе, что легко могутъ разрушить его. Весь городъ, съ фортами Гонзаго и Кастеллаціо, находился въ нашей власти, равно и дорога, ведущая изъ Мессины въ Фаро и самый Фаро; но конвенція не оградила послѣдняго, и потому неаполитанскіе корабли безпрестанно обстрѣливали его. Наши батареи энергически отвѣчали на огонь. Однажды фрегатъ, вышедшій изъ мессинскаго военного порта, поднялъ французскій флагъ и сталъ противъ укрѣпленій Фаро, какъ бы желая подробно осмотрѣть ихъ. Мы полагали, что это одинъ изъ фрегатвъ французской эскадры, подошедшій съ цѣлю осмотрѣть работы, предпріятыя для огражденія важной позиціи Фаро отъ атаки открытою силою, и потому не только не принялъ никакихъ предосторожностей, но, напротивъ, наши молодые и любопытные солдаты сбѣжались со всѣхъ сторонъ, чтобы лучше видѣть эволюціи корабля. Вдругъ фрегатъ сдѣлалъ залпъ всѣмъ лѣвымъ бортомъ, повернулся къ намъ другимъ бортомъ, далъ залпъ съ праваго борта, спустилъ французскій флагъ, поднялъ неаполитанскій и удалился отъ берега на полныхъ парахъ. Только тогда узнали мы королевскій фрегатъ «Il Borbone».

Сорокъ-восемь человекъ убитыхъ остались на мѣстѣ жертвами этого возмутительнаго поступка. На слѣдующій день, французское купеческое судно, зафрахтованное неаполитанскимъ правительствомъ, отплыло изъ Мессины и, увлеченное теченіемъ, хотѣло, какъ показалось нашимъ по его неловкимъ движеніямъ, приблизиться къ Фаро. Наши артиллеристы, сдѣлавшіеся подозрительными и озлобленные выходкой предъидущаго дня, послали навстрѣчу злополучному судну нѣсколько ядеръ и заставили его немедленно возвратиться въ портъ. Капитанъ судна кричалъ, что въ его лицѣ нарушены права человечества, хотя ни его корабль, ни его люди нисколько не пострадали отъ нашихъ выстрѣловъ, и кончилъ тѣмъ, что пожаловался на насъ французскому консулу. Послѣдній, зная, что Гарибальди былъ въ отлучкѣ, потребовалъ отъ начальника первой дивизіи южной арміи, генерала Тюрра, необходимыя объясненія. Генералъ поручилъ мнѣ передать консулу обстоятельства дѣла. Всѣ объясненія были приняты имъ съ совершенною любезностію, и, такимъ образомъ, вполне разрѣшилось недоразумѣніе, причина котораго не могла, по справедливости, падать на насъ, жестоко пострадавшихъ отъ неаполитанскаго коварства.

Несмотря на конвенцію, о которой я упоминалъ выше, у насъ часто случались тревоги. Наши передовые посты и караулы отдѣлялись отъ непріятельскихъ нейтральнымъ пространствомъ въ 20 только метровъ (10 сажень) шириною, а потому, для развлеченія, они зачастую мѣнялись ружейными выстрѣлами. Распространяясь по боевой линіи, пальба становилась мало по малу общемою; за пальбою рядами слѣдовали залпы взводами; батальоны, находившіеся въ резервѣ, прибѣгали на мѣсто боя; пули летали въ темнотѣ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не пріѣзжалъ, съ той или другой стороны, ктонибудь изъ начальниковъ и не прекращалъ сумятицы. Поднимали одного или двухъ убитыхъ, нѣсколькихъ раненыхъ, сажали офицера, командовавшаго аванпостами, подъ арестъ, и все оканчивалось на сегодня съ тѣмъ, чтобы возобновиться завтра.

Августа 20 у насъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, семейный праздникъ. По случаю прибытія своего въ Сицилію, генералъ Тюрръ пригласилъ къ обѣду всѣхъ находившихся въ Мессинѣ офицеровъ своей дивизіи, самой многочисленной во всей южной арміи. Этотъ обѣдъ, совпадавшій съ праздникомъ святаго Сте-

фана, покровителя Венгрии, былъ приготовленъ во дворцѣ, служившемъ главной квартирой бригадиру Эберу и его штабу. Лишнее говорить, что всѣ явились къ назначенному времени. Генералы Сиртори и Медичи сѣли по сторонамъ генерала Тюрра, и около 150 офицеровъ, одѣтыхъ въ красныя блузы, разиѣстились за огромнымъ столомъ, имѣвшимъ форму подковы. За десертомъ, полковникъ Спангаро провозгласилъ тостъ за здоровье генерала Тюрра, который отвѣтилъ въ нѣсколькихъ словахъ на привѣтствіе. . . .

Прекрасная музыка бригады Эбера играла подъ окнами, къ великой радости жителей Мессины, собравшихся послушать ее. Послѣ обѣда, молодые офицеры, оживленные звуками вальсовъ и мазурокъ, сливавшимися съ шумомъ общаго разговора, пустились между собою въ плясъ, и нѣсколькимъ Мадьярамъ пришла въ голову мысль воспользоваться обстоятельствами, чтобы наскоро устроить балъ.

Въ Венгріи отдыхаютъ отъ недѣльной работы танцуя въ воскресенье съ полудня до полуночи. Генералъ Тюрръ далъ, конечно, немедленно свое согласіе на устройство бала, и молодежь разбѣжалась по городу, требуя въ каждомъ домѣ танцующихъ дамъ. Женщины быстро принарядились, мужчины облеклись въ парадныя платья, дѣтей вымыли, одѣли въ чистенькія рубашонки, и предъ нами начали вскорѣ появляться цѣлыя семейства, донельзя перепуганныя, шедшія на балъ такъ, какъ обыкновенно идутъ на эшафотъ. Власть красныхъ рубашекъ замѣнила въ городѣ власть агентовъ короля неаполитанскаго; но на этихъ бѣдныхъ людей какая бы то ни было власть наводитъ такой ужасъ, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшился отказаться отъ неожиданнаго приглашенія. Каждое семейство—отецъ, мать и дѣти—входило разомъ, какъ бы желая, въ столь торжественную минуту, не разлучаться и умереть вмѣстѣ. Серьезные, покорные судьбѣ, они проходили мимо насъ, стараясь придать себѣ смѣлый видъ, который никогда не долженъ оставлять мужественнаго человѣка въ минуты опасности. Важно сѣлились они, невольно прижимаясь другъ къ другу, и смотрѣли во всѣ глаза на веселую молодежь; но добродушный, благородный смѣхъ офицеровъ успокоивалъ ихъ только наполовину.

Музыку позвали наверхъ. Музыканты, чтобы поразвлечься и набраться силъ, потягивали сиракузское вино, совершенно

какъ молодые вельможи въ драмахъ изъ среднихъ вѣковъ, услаждавшихъ нѣкогда нашу молодость. Заиграли прелюдію вальса. Наши танцоры, обхвативъ тальи дамъ, раскачивались уже, готовые пуститься, какъ вдругъ офицеръ, стоявшій у открытаго окна, подалъ знакъ молчанія. Музыка перестала играть; всѣ остановились и начали вслушиваться: вдали трещала ружейная пальба; на аванпостахъ была тревога. Многіе изъ нашихъ взяли оружіе и побѣжали туда. Несмотря на убыль, произведенную неожиданнымъ уходомъ нѣкоторыхъ танцоровъ, хотѣли попытаться продолжать прерванный балъ; но вошелъ адъютантъ и передалъ генералу Тюрру письмо. Это былъ приказъ отправить немедленно въ Фаро бригаду Эбера, чтобы, при случаѣ, перевезти ее на твердую землю. Всѣ оставшіеся еще офицеры надѣли сабли, взяли шапки и бросились вонъ — готовиться къ отъѣзду. Бѣдные Мессинцы совершенно потерялись; передъ ними остались только музыканты, продолжавшіе пить вино, и нѣсколько слугъ, начинавшихъ уже тушить свѣчи. Самый смѣлый изъ числа приглашенныхъ всталъ наконецъ, подалъ руку женѣ, взялъ ребенка и удалился съ достоинствомъ; всѣ прочіе послѣдовали его примѣру, и я увѣренъ, что, придя домой, они въ первый разъ свободно вздохнули и поздравили другъ друга съ извѣщеніемъ отъ большой опасности.

III.

На слѣдующій день, въ 5 часовъ вечера, въ ту минуту, какъ мы сѣли за обѣдъ, со стороны цитадели раздался пушечный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. На улицахъ затворяли двери, запирали лавки; всѣ спасались бѣгствомъ; въ окнахъ появлялись испуганныя лица. Трубы звучали, призывая къ оружію; далекое эхо вторило имъ. Между выстрѣлами, мы слышали шипѣніе бомбы. На этотъ разъ тревога была не пустая: несмотря на конвенцію, цитадель формально бомбардировала городъ. Мы поскакали на аванпосты. Маіоръ Кариссими, посланный парламентаромъ, не могъ остановить огня; генералъ Тюрръ, съ генераломъ Медичи и съ шестью офицерами, немедленно направился къ крѣпости, чтобы заставить отворить себѣ ворота. Они были приняты двумя послѣдовательными взводными залпами, которые, однако, никого не ранили. Генералъ Медичи, имѣя впе-

редп трубача и ассистента съ бѣлымъ флагомъ, прошелъ наконецъ въ цитадель, и какъ онъ заключилъ конвенцію 28 іюня, то ему и слѣдовало, болѣе чѣмъ кому либо, напомнить непріятелю объ ея условіяхъ, всегда строго исполнявшихся съ нашей стороны. Комендантъ извинился, объявилъ, что не въ силахъ былъ удержать своихъ солдатъ, и приказалъ прекратить огонь. Мы потушили одинъ или два загорѣвшихся дома, подобрали двухъ часовыхъ, одного стараго носильщика, одного ребенка, трехъ ословъ и одну собаку, неожиданно перешедшихъ отъ жизни къ вѣчному покою, и пошли доканчивать прерванный обѣдъ. Городъ, однакожъ, былъ въ безпокойствѣ: прохожіе встрѣчались рѣдко, набережныя были пусты, лица всѣхъ взволнованы; да и кто могъ, въ самомъ дѣлѣ, ручаться, что подобное покушеніе не возобновится?... Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что городское населеніе, справедливо испуганное неожиданнымъ нападениемъ, вело себя недурно; національная гвардія, въ полномъ порядкѣ, расположилась на улицахъ, чтобы удерживать народъ отъ паническаго страха и не допускать распространенія тревоги. Я не ожидалъ этого отъ Мессинцевъ..... Въ этотъ день даже небо какъ будто согласилось съ людьми: только что прекратилось бомбардированіе, гроза, гонимая сильнымъ сирокко между горами Калабріи и Сициліи, собралась надъ проливомъ. Густыя тучи повисли надъ берегами Калабріи и скрыли ихъ отъ насъ; молнія разсѣкала темный небосклонъ, и громъ, какъ бы желая показать орудіямъ ничтожность ихъ слабыхъ выстрѣловъ, ударилъ два раза возлѣ самой цитадели.

Цѣлые потоки воды полились со всѣхъ сторонъ и, стремясь по мощенымъ улицамъ города, увлекали съ собою кучи нечистоты, которыя, по свойственному Итальянцамъ черяшеству, валяются у всякой двери. Вечеромъ, предъ уходомъ въ главную квартиру, я полюбопытствовалъ пройти до самыхъ аванпостовъ. Набережныя, обыкновенно наполненныя народомъ во время вечерней прохлады, были пусты и безмолвны: изрѣдка тамъ и сямъ спѣшилъ по нимъ запоздавшій прохожій; кофеини, гдѣ наши солдаты ѣдятъ всегда мороженое и поютъ пѣсни, были заперты; огни фонарей, колеблемые вѣтромъ, бросали тусклый свѣтъ на мокрыя плиты; въ портѣ матросы какого-то судна работали у воротъ подъ звуки унылой пѣсни: мнѣ чудились во тьмѣ, что это голоса морскихъ боговъ, поющихъ хоромъ

надъ водою. Все это было печально и торжественно. Противъ цитадели, казавшейся ночью особенно угрюмою, я увидѣлъ нашихъ часовыхъ, недвижныхъ, съ ружьемъ у ноги, обратившихся въ слухъ и въ зрѣніе. «Что новаго?» спросилъ я у офицера-Англичанина, только что окончившаго свой обходъ по аванпостамъ. — «Ничего, отвѣчалъ онъ: — all right!» (все благополучно).

Рано утромъ, до наступленія жары, я сѣлъ въ экипажъ и отправился въ Фаро. Дорога начинается у мессинской набережной и тянется все время по берегу моря, то выходя на шоссе, то пролегая, просто, по прибрежному песку. Виллы, окруженныя виноградными аллеями, южными соснами и боярышникомъ, прымаютъ къ холмамъ, украшая собою величественную картину голубой поверхности Средиземнаго моря, горъ Сициліи и возвышенностей континента, окруженныхъ прозрачною атмосферою, свойственною одному востоку. А, между тѣмъ, это не востокъ: это та же Италия, только болѣе жаркая, болѣе сарацинская. Я вижу по дорогѣ живыя изгороди изъ индѣйской смоковницы (*), иглистыя вѣтви которой увѣнчаны золотыми цвѣтами съ серебряными пестиками; вижу алоэ, съ изогнутыми колючими листьями, похожими на желѣзо первобытнаго плуга; вижу кассію, съ желтенькими шариками, наполняющими воздухъ ароматомъ ванили. Но гдѣ же перелетныя аисты, гдѣ минареть мечети, окруженной фонтанами, гдѣ пальмы, въ вѣтвяхъ которыхъ вѣтеръ шумитъ такъ печально, гдѣ розовыя горы, гдѣ бубенчики каравановъ, — однимъ словомъ, гдѣ вся полная живописныхъ образовъ поэзія, неизгладимо начертанная въ сердцахъ, ею упивавшихся? Передо мной какая-то переходная поэзія, средняя между прозаическимъ блескомъ Европы и свѣтлыми мечтами востока.

Проѣзжая деревню Делла-Паче, я начиналъ уже дремать лѣниво на подушкахъ кресла, какъ вдругъ, вправо отъ меня, раздались пушечныя выстрѣлы: неаполитанскіе фрегатъ и бригъ обстрѣливали Фаро, который, съ своей стороны, отвѣчалъ имъ со всѣхъ батарей; форты, расположенные на твердой землѣ, вмѣшались въ дѣло, и ихъ снаряды, брошенныя на огромное разстояніе, лопались на сицилійскихъ берегахъ. Фрегатъ, окру-

(*) Родъ кактуса (poral).

женный дымомъ каменнаго угля и бѣлымъ дымомъ своихъ карронадъ, почти исчезалъ въ облакавшей его тучѣ, на секунду разрываемой блескомъ выстрѣловъ, и походилъ издали на громадный пожаръ посреди моря; ядра, рикошетируя по волнамъ, поднимали высокіе столбы воды, рассыпавшіеся фонтанами. Вскорѣ оба судна преобразились въ гору дыма, метавшую молніи. Огонь ихъ вдругъ умолкъ, вѣтеръ разсѣялъ бѣлую пелену, и мы увидѣли, будто въ волшебной сказкѣ, фрегатъ съ его стройною, черною оснасткою; онъ направлялся къ берегамъ Калабріи и спустя нѣсколько минутъ былъ уже внѣ нашихъ выстрѣловъ.

По приѣздѣ въ Фаро, я нашелъ всѣ войска подъ ружьемъ. Они были расположены эшелонами, готовые воспрепятствовать высадкѣ, въ томъ, впрочемъ, мало вѣроятномъ случаѣ, если бы Неаполитанцы рѣшились попытаться на нее. Непродолжительный бой, разыгравшійся предъ моими глазами, не имѣлъ для насъ серьезныхъ послѣдствій: человекъ тридцать раненыхъ были перенесены на перевязочный пунктъ; маркитантскій баракъ, разрушенный бомбою, выказывалъ наружу, среди потоковъ розолью, самбукко и кофе, обломки графиновъ и перебитыхъ кострюль. Бѣдный маркитантъ, чуть живой отъ страха, рассказывалъ встрѣчному и поперечному объ опасности, ему угрожавшей, дрожалъ еще отъ недавняго ужаса и жалобно поглядывалъ на свое разстроенное хозяйство.

Два небольшія озера, у основанія косы, на выдающемся концѣ которой расположенъ Фаро, были соединены между собою и сообщались съ моремъ каналомъ, вырытымъ по приказанію Гарибальди. Такимъ образомъ, онъ устроилъ для своихъ лодокъ, назначенныхъ для перевозки войскъ на твердую землю, безопасный отъ нападенія портъ, подверженный только дѣйствию случайно залетавшихъ туда снарядовъ. Эти лодки, въ числѣ 250, были крайне ненадежны: маленькія, вмѣщавшія въ себѣ не болѣе тридцати человекъ каждая, онѣ не могли, по слабости постройки, выдержать огня артиллеріи. Нѣкоторыя изъ нихъ, палубныя, окруженныя съ трехъ сторонъ досчатыми перилами, назначались для перевозки лошадей и, въ случаѣ надобности, орудій. Въ настоящую минуту, всѣ лодки были пусты, стояли въ порядкѣ одна подлѣ другой, подъ присмотромъ часовыхъ, и служили только мѣстомъ отдохновенія ласточекъ, порхавшихъ

надъ озерами. Нѣсколько молодыхъ волонтеровъ, сидя на берегу, удили рыбу, осуждая красную рубашку на мирныя занятія, которыхъ она, конечно, не могла предвидѣть.

Наши волонтеры расположились лагеремъ въ долинѣ, гдѣ было много фиговыхъ деревьевъ, обвитыхъ виноградными лозами. Соломенные хижины, навѣсы изъ вѣтвей, одѣяла, привѣшенные къ сучьямъ деревьевъ наподобіе палатокъ,—все служило вмѣстѣ убѣжищемъ отъ жгучихъ, опасныхъ лучей солнца. «Въ теченіе жаркаго мѣсяца Сраваны (августа)—говорятъ Индусы—богъ Сурія, сынъ Казіана и Адити, бросаетъ только отравленныя стрѣлы.» У подножія фиговаго дерева, подъ тѣнью навѣса, наскоро сдѣланнаго изъ кукурузныхъ стеблей, я дозавтракалъ съ маюромъ (впослѣдствіи полковникъ) Людовикомъ Винклеромъ, съ которымъ пришелъ поздороваться.

Навѣстивъ главнаго начальника артиллеріи, генерала Оренини, того самого, который предъ атакою Палермо совершилъ замѣчательное движеніе на Корлеоне, обманувшее такъ забавно генерала Боско и его Неаполитанцевъ, я осмотрѣлъ укрѣпленія Фаро. Она состояли изъ нѣсколькихъ хорошо построенныхъ батарей, вооруженныхъ орудіями большихъ калибровъ, которыя могли состязаться съ фрегатами и крѣпостями твердой земли, открывавшими пальбу съ весьма дальнихъ дистанцій; но могли ли эти батареи воспрепятствовать высадкѣ, поддержанной судами, поставленными близко къ берегу? Сомнѣваюсь. Низменный песчаный берегъ Фаро легко доступенъ для плоскодонныхъ судовъ. Онъ былъ безъ всякой искусственной защиты со стороны Средиземнаго моря и оборонялся только нашими войсками, которыя, въ случаѣ атаки пѣхоты, должны были сражаться не прикрытыми; не слѣдуетъ также забывать, что Фаро удаленъ отъ Мессины—мѣста, откуда онъ всѣмъ снабжался—болѣе, чѣмъ на три мили (12 верстъ). Отрядъ, высаженный позади Фаро, въ то время, какъ суда атаковали бы его спереди, могъ зайти въ тылъ всѣхъ нашихъ позицій и сбросить насъ въ проливъ. Неаполитанцы не подумали, не посмѣли или не хотѣли исполнить этого. Да, Мишле правъ: Гарибальди счастливъ, и если у кого либо изъ людей была своя звѣзда, то, конечно, у него.

Нападенія, подобныя только что произведенному, бывали часто: они возобновлялись каждую ночь, и не приходило дня, въ

который наши батареи не помѣнялись бы выстрѣлами съ неполитанскими крейсерами, состоявшими изъ двухъ паровыхъ фрегатъ и нѣсколькихъ бриговъ, также паровыхъ. Хотѣли ли предпринять противъ Фаро что либо серьезное? Не думаю. Заставляя насъ держаться насторожѣ, угрожая безпрестанно дѣломъ, которое могло принять нешуточные размѣры и обратиться намъ во вредъ, желали только принудить Гарибальди не выводить войскъ изъ Сициліи и лишить его возможности высадиться въ нижнюю Калабрию; а, между тѣмъ, горы ея, казались, манили насъ и ожидали.

Такая немудрая хитрость не могла имѣть успѣха съ человекомъ, подобнымъ Гарибальди. Независимо отъ здраваго разума, вѣрнаго, неизмѣннаго его совѣтника, диктаторъ, въ теченіе своего долгаго пребыванія въ Америкѣ, приобрѣлъ отъ краснокожихъ долю ихъ необыкновенной проникательности. Такимъ образомъ, приготовленія къ высадкѣ дѣятельно продолжались, да и мы сами смотрѣли съ завистію на итальянскій берегъ, куда стремились теперь всѣ наши желанія.

Уже болѣе двухъ недѣль двѣсти человекъ держались тамъ въ неприступныхъ горахъ, одни, безъ всякихъ сообщеній съ нами, окруженные отрядами непріятельской арміи, давая о себѣ знать высокими столбами дыма, единственно возможнымъ между нами сигналомъ. Миссори командовалъ этими храбрецами, и никогда болѣе рѣшительный начальникъ не былъ такъ достойно выбранъ для невѣроятно смѣлой экспедиціи. Онъ очень молодъ, щеголеватъ въ своей одеждѣ, небрежно изященъ, пріятенъ и любезенъ въ разговорѣ, чрезвычайно уменъ и опережаетъ событія дальновидною мыслію, всегда вѣрною и часто полною величія. Миссори родился въ Миланѣ, но онъ уже давно не Ломбардецъ: онъ Итальянецъ. Въ 1848 году, четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ убѣжалъ изъ школы, чтобы помѣняться съ Австрійцами ружейными выстрѣлами, подъ звуки пѣсни:

Va fuori, straniero! (*)

Съ этой минуты родные стали присматривать за нимъ съ необыкновенною настойчивостію; но молодой человекъ—я чуть не сказалъ: ребенокъ—постоянно проводилъ родныхъ, и однажды утромъ комнату его нашли пустою, а окно отвореннымъ. Птич-

(*) Убирайся, иностранецъ!

на улетѣла на волю. Гдѣ же былъ Миссори? Въ Крыму, на Комо, въ Марсалѣ, при Калатафими, вездѣ, гдѣ Итальянцы проливали кровь за нравственное и политическое возвеличеніе своей родины. При Мелатто, сброшенный съ лошади, убитой подъ нимъ ядромъ, онъ положилъ тремя выстрѣлами изъ револьвера трехъ всадниковъ, окружившихъ Гарибальди, и раздробилъ черепъ четвертому, ухватившему уже его самого за горло. Когда ему напоминаютъ объ этомъ подвигѣ, онъ краснѣетъ, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, отворачиваетъ голову, потупляя глаза. Бывавшіе на водахъ въ Эксѣ, въ Савоіи, помнятъ, можетъ быть, молодаго человѣка, грустнаго, смирнаго, охотно садившагося, во время танцевъ, возлѣ женщинъ и говорившаго имъ только про Италію, тогда какъ онѣ часто, можетъ быть, готовились слушать совершенно инныя рѣчи. Это былъ Миссори, прозванный «маленькимъ голубоокимъ Миланцемъ». Женщины, которымъ я потомъ рассказывалъ о немъ, восклицали: «Какъ, это тотъ самый молодой человѣкъ! возможно ли?» Да, это онъ, съ нѣжнымъ голосомъ, со взглядомъ серны, съ утомленною, вялою походкою; это онъ, герой нашей молодой арміи, которому теперь нечего завидовать самымъ старымъ храбрецамъ, увѣнчаннымъ славой. Онъ сохранилъ для одного себя, въ тайникѣ души, воспоминанія о трудностяхъ и опасностяхъ, перенесенныхъ имъ въ теченіе этой двухъ-недѣльной экспедиціи. Вдали отъ насъ, не получая, можетъ быть, никакихъ извѣстій, онъ могъ почестъ себя, одно время, брошеннымъ на произволь судьбы.

Но мы думали о немъ, и рѣдкая ветрѣча проходила безъ вопроса: что-то подѣлываетъ Миссори? Но чтобы соединиться съ нимъ, слѣдовало пройти слишкомъ опасную, почти недоступную дорогу. Четыре крѣпости, вооруженныя орудіями дальняго полета, защищали проливъ и дѣлали берегъ Калабріи, противоположный Сициліи, до извѣстной степени неприступнымъ. Эти крѣпости, отъ сѣвера къ югу, суть: Альта-Фіумара, Пунтадель-Пеццо, Торре-Кавалло и наконецъ грозная Сцилла, державшаяся одна, въ 1808 году, двадцать-восемь дней противъ французскаго корпуса, находившагося подъ начальствомъ генерала Ренье. Сверхъ того, военныя неаполитанскія суда, которымъ мы не могли противопоставить ни одного корабля, крейсеровали денно и ночью и зорко смотрѣли за берегами между мысами Реджіо и Сцилла. Такимъ образомъ, переправа откры-

тою силою была невозможна и подвергла бы насъ огромной опасности, безъ малѣйшей надежды на успѣхъ; приходилось дѣйствовать хитростію и обмануть бдительность непріятеля. Мы ждали, надѣялись, смотрѣли на Калабрію и не могли побѣдить въ себѣ упорную тоску, слѣдствіе сомнѣнія. У насъ болѣе ни о чемъ и не говорили; глаголъ «переходить» принялъ вдругъ значеніе: «оставить Сицилію, переплыть проливъ и высадиться на твердую землю». Когда переходятъ? былъ нескончаемый вопросъ и офицеровъ и солдатъ. Самые противорѣчивые слухи ходили въ городѣ, и вы могли быть увѣрены, что, проснувшись утромъ, услышите свѣжую новость, которая чрезъ нѣсколько минутъ окажется вздоромъ. Нетерпѣніе наше усиливалось отъ ложныхъ слуховъ въ отсутствіе Гарибальди. Гдѣ былъ онъ? въ Мелатцо, въ Таорминѣ, въ Палермо, въ Калабріи или даже въ Неаполѣ? никто не зналъ.

Мнимая медленность, неизбежная неизвѣстность относительно намѣреній диктатора утомляли насъ чрезмѣрно и раздражали самыхъ нетерпѣливыхъ, требовавшихъ, во что бы то ни стало, переправы. Нѣкоторые придумали даже сумасбродный планъ: завладѣть, убѣжденіями или силою, піемонтскимъ фрегатомъ, стоявшимъ въ мессинскомъ портѣ, и употребить его для высадки. Основаніе, на которомъ проектъ этотъ былъ предложенъ, любопытно и не лишено нѣкотораго остроумія: «мы сражаемся за дѣло цѣлой Италіи, Піемонтъ часть Италіи; слѣдовательно, мы имѣемъ право пользоваться силами Піемонта для скорѣйшаго и величайшаго блага Италіи». Къ счастью, это воззваніе къ насильственному итальянизму не было одобрено; немногіе зачинщики только собирались отправиться на фрегатъ, но капитанъ не принялъ ихъ. Такимъ образомъ кончилась попытка, которая, если бы она удалась, могла породить неисчислимыя запутанности, тѣмъ болѣе, что связь между Кавуромъ и Гарибальди замѣтно слабѣла.

Но диктаторъ не бездѣйствовалъ: онъ соображалъ свои средства и показывалъ видъ, что хочетъ произвести высадку на калабрійскій берегъ, съ тѣмъ, чтобы, возбудивъ опасенія роялистовъ за нѣсколько береговыхъ пунктовъ разомъ, заставить ихъ раздѣлить свои силы. Онъ выжидалъ удобнаго случая, вслушиваясь во всѣ вѣсти, приходившія съ твердой земли, смотрѣлъ,

съ какихъ горъ Миссори подастъ свои сигналы, и, когда его осмѣливались спрашивать, отвѣчалъ: «скоро».

IV.

Извѣстія, на этотъ разъ вѣрныя, быстро слѣдовали одно за другимъ и сообщали намъ такіе же необыкновенные факты, какъ и все касавшееся человѣка, стоявшаго во главѣ насъ. Въ ночь 19 августа, Гарибальди оставилъ Таормину, съ бригадою, посаженною на пароходы «Франклинъ» и «Торино». Вся ночь прошла въ плаваніи по довольно бурному морю, и къ утру находились уже въ виду оконечности южной Италіи, близъ городка Мелито, у мыса дель'Арми. Стоя на палубѣ «Франклина», которыми онъ командовалъ самъ, рядомъ со своимъ товарищемъ Оригони, Гарибальди подалъ сигналъ «Торино» ускорить ходъ и, по возможности, поспѣшнѣе пристать къ берегу, ибо неаполитанскіе крейсера могли ежеминутно показаться на горизонтѣ. «Торино» пошелъ полнымъ ходомъ и самымъ глупымъ образомъ наскочилъ на низменный, песчаный берегъ. Шесть часовъ были напрасно потеряны въ попыткахъ стащить пароходъ съ мели. «Франклинъ» оборвалъ всѣ свои швартовы и едва не попортилъ машины. Видя бесполезность усилій и понимая, что дальнѣйшія попытки подвергнуть его самага неизбѣжной опасности, онъ ушелъ наконецъ въ море, поднялъ американскій флагъ и, благодаря этой хитрости, безпрепятственно проскользнулъ между судами короля неаполитанскаго. Высадка была ускорена, и когда послѣдній человѣкъ сходилъ на берегъ, королевскіе фрегаты, на полныхъ парахъ, но какъ и въ Марсалѣ, слишкомъ поздно, прибыли на мѣсто, открыли огонь противъ сидѣвшаго на мели парохода и потопили его. Солдаты, по приказанію Гарибальди, начали бѣгомъ взбираться на горы, чтобы уклониться отъ выстрѣловъ съ фрегатовъ, направленныхъ уже противъ нихъ. День 20 августа прошелъ въ маршахъ и контръ-маршахъ—а въ нихъ Гарибальди весьма искусенъ — имѣвшихъ цѣлью сбить съ толку и развлечь вниманіе непріятели. Когда настала ночь, войска не знали еще, къ какому пункту они направятся. Хотѣлъ ли Гарибальди атаковать Реджіо, или обойти его? желалъ ли броситься съ тыла на Сциллу? думалъ ли отступить въ горы и привлечь туда войну? Роялисты ожидали его вездѣ; а онъ пробирался между ихъ разбросанными колоннами, какъ угорь сколь-

зиль между корнями старыхъ ивъ, купающихъ въ водѣ свои подножія. Около полуночи пришли проводники Миссори и объявили о скоромъ прибытіи молодаго начальника партизановъ. Только ему одному Гарибальди сообщилъ свои планы, а потому, увидѣвъ условленный сигналъ, Миссори оставилъ свою неприступную позицію на вершинѣ Аспро-Монте и поспѣшилъ, однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ путей по лѣсистой странѣ, по горамъ и оврагамъ, соединиться съ своимъ главнокомандующимъ. Подъ открытымъ небомъ, при сіяніи звѣздъ, собрали на-скоро военный совѣтъ. Малочисленная дружина раздѣлена была на три отряда: одному, подъ командою Биксіо, назначено было атаковать городъ Реджіо съ фронта; два другіе, подъ непосредственнымъ предводительствомъ Гарибальди и Миссори, должны были, обойдя укрѣпленія, поставить Неаполитанцевъ между двухъ огней. 21 августа 1860 года, въ половинѣ четвертаго часа утра, авангардъ красныхъ рубашекъ наткнулся на королевскіе ведеты. «Стой! кто идетъ?»—«Италія и Викторъ-Эммануиль!»—«Мимо!»—«Да здравствуетъ Гарибальди!»—«Да здравствуетъ король!» и дѣло завязалось. Неаполитанскія войска, сосредоточенныя у главнаго входа въ городъ, производили такой убійственный огонь, что наши солдаты принуждены были нѣкоторое время отступать. Гарибальди прибылъ одинъ посмотреть, что происходитъ на этомъ пунктѣ. «Ну, дѣти, здѣсь, кажется, дѣло идетъ не совсѣмъ ладно. Послѣ вчерашнихъ переходовъ вы устали—я вполне понимаю это—отдохните же немного.» Солдаты остановились, построились и перевели духъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова заговорилъ своимъ всегда мягкимъ, невыразимо-пріятнымъ голосомъ: «Теперь лучше, не правда ли? Я зналъ, что это только усталость. Но на сегодня вы уже довольно стрѣляли—надо беречь патроны: мы ихъ не получимъ больше до самаго Неаполя. Выберите этихъ негодяевъ штыками!» Гарибальди направляетъ своихъ волонтеровъ и возвращается къ своему отряду, который, въ эту минуту, въ сумеркахъ, молча обходилъ городъ. Атака въ штыки была рѣшительная: Неаполитанцы, сбитые, отброшенные, искали убѣжища въ цитадели. Небольшой фортъ, стоящій внизу города, былъ взятъ Биксіо.

Гарибальди и Миссори, зайдя въ тылъ цитадели, атаковали ее. Наши солдаты, вооруженные прекрасными англійскими штуцерами, открыли огонь противъ артиллеристовъ, показывавшихся

въ амбразурахъ; но у насъ не было пушекъ, а Неаполитанцы имѣли ихъ вдоволь. Биксіо, овладѣвшій уже центромъ города, захватилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и зданіе тюрьмы, въ которомъ Неаполитанцы расположили нѣсколько ротъ стрѣлковъ; онъ нашелъ тамъ военные припасы и два орудія и тотчасъ же послалъ ихъ къ Гарибальди: орудія эти были немедленно направлены противъ цитадели и, командуя ею, производили убійственный огонь сверху внизъ. Наступилъ день, солнце взошло и освѣтило ожесточенный бой. Въ городѣ сражался Биксіо, вокругъ крѣпости Гарибальди и Миссори. Вдругъ диктаторъ узнаетъ, что неаполитанскій генералъ Бриганти, находившійся на калабрійскомъ берегу, противъ Мессины, въ Вилла-Санъ-Джіованни, между фортами Альта-Фіумара и Пунта-дель-Пеццо, услышавъ пушечные выстрѣлы, идетъ форсированнымъ маршемъ, съ тремя тысячами человекъ, на выручку Реджіо. Гарибальди немедленно оставляетъ мѣсто боя, поручаетъ своимъ генераламъ окончить дѣло, беретъ съ собою половину бригады Эбергарда и устремляется на встрѣчу Неаполитанцамъ.

Бриганти, увидѣвъ издали красныя рубашки съ ружьями, ярко блестящими на солнцѣ, отступаетъ подъ защиту форта Альта-Фіумара. Гарибальди возвращается тогда къ Реджіо и придаетъ новую силу сраженію, упорно продолжавшемуся, впрочемъ, и безъ него. Неаполитанцы очистили уже весь городъ. Бой кипѣлъ вокругъ цитадели. Наши ядра, съ каждымъ выстрѣломъ, вырывали изъ рядовъ храбрыхъ защитниковъ Франциска II. Полковникъ Лоренцо палъ впереди своихъ, воскликнувъ: «да здравствуетъ король!» и смертію своею привелъ въ уныніе солдатъ..... Около полудня замокъ былъ стѣсненъ со всѣхъ сторонъ; многіе Неаполитанцы находились въ плѣну, другіе, бросивъ оружіе, разбрелись по окрестностямъ. Видя это, генералъ Галотта, комендантъ крѣпости Реджіо, велѣлъ поднять бѣлое знамя. Огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ, и начались переговоры. По прекращеніи боя, Гарибальди, желая обтереть себѣ лобъ, снялъ съ головы маленькую черную шляпу, которую обыкновенно носить, и только тогда замѣтилъ, что она была пробита навзлетъ пулею. Въ четыре часа, панической страхъ овладѣлъ городомъ: говорили, что перемиріе прервано, что Неаполитанцы, посаженные въ Мессинѣ на корабли и поспѣшно перевезенные чрезъ проливъ, высадились въ Калабрию

и идутъ на выручку Реджіо; увѣряли, что цитадель откроетъ немедленно бомбардированіе. Барабаны забили тревогу, жители спасались бѣгствомъ, угоняли съ собою стада и тащили на тележкахъ свое имущество. Это была, конечно, фальшивая тревога. Въ половинѣ шестаго, конвенція была заключена: цитадель сдавалась на капитуляцію, войска выходили съ оружіемъ, багажемъ и съ запасомъ продовольствія на три дня; все имущество крѣпости оставалось въ нашихъ рукахъ (*). Нѣсколько солдатъ перешли на нашу сторону, многіе дезертировали.

Только на другой день (22 августа) узнали мы, но безъ всякихъ подробностей, объ этой побѣдѣ изъ слѣдующей депеши Гарибальди: «Сегодня мы опять побѣдили: Реджіо нашъ!» Всѣ были, само собою разумѣется, очень веселы; наши музыканты обошли весь городъ, наигрывая патріотическія пѣсни, вчера родившіяся, завтра забытыя; каждый домъ былъ иллюминированъ; кричали болѣе, чѣмъ когда нибудь: «да здравствуетъ Италия». Но всѣ офицеры гарибальдійской арміи, находившіяся еще въ Мессинѣ — а насъ было много — очень жалѣли, что не могли принять участія въ бывшемъ дѣлѣ. Они говорили: «почему другіе, а не мы?» Никогда еще я не оцѣнялъ лучше названія, даннаго когда-то нашимъ солдатамъ — *ворчуны*. Всякую армію можно, дѣйствительно, опредѣлить такъ: это сборище людей, безпрестанно жалующихся, ворчащихъ съ утра до ночи: посылаемые въ сраженія ворчатъ за то, что ихъ приносятъ въ жертву, не даютъ ни минуты покоя и ведутъ въ огонь, словно стадо на бойню; тѣ, которыхъ не посылаютъ, жалуются, что ихъ оставляютъ въ бездѣйствіи, что для нихъ нѣтъ ни успѣховъ по службѣ, ни славы. Такимъ образомъ, обѣ стороны почитаютъ себя жертвами и, тѣмъ не менѣе, оказываются, при удобномъ случаѣ, превосходными солдатами. Въ кофейняхъ и казармахъ Мессины много ворчали.

Любопытство и неизвѣстность сильно мучили насъ послѣ взятія Реджіо. Нескончаемый вопросъ: что предприметъ теперь Гарибальди? повторялся сто тысячъ разъ въ день, и каждый, натурально, отвѣчалъ на него изложеніемъ своего собственнаго плана. Это тоже отличительная черта всѣхъ армій: всякій имѣетъ

(*) 8 полевыхъ орудій; 8 бомбовыхъ 80-фунт. пушекъ; 6 пушекъ 36-фунт., 18 батарейныхъ орудій; 3 мѣдныя мортиры; около 1,200 ружей; съѣстные припасы; складъ каменнаго угля и большое количество муловъ.

свой планъ дѣйствій, безспорно наилучшій. Признаюсь, однакожь, что я его не имѣлъ: я ожидалъ, я зналъ, что переберусь чрезъ проливъ только съ генераломъ Тюрромъ, и призывалъ безпрестанно на помощь терпѣніе, хотя, какъ и другіе, давно желалъ бы быть на той сторонѣ.

День 22 августа, вскипятившій намъ всю кровь великою новостію, я провелъ на террасѣ гостинницы, устроенной въ одномъ изъ тѣхъ большихъ дворцовъ, которые находятся на мессинской набережной и обращены фасадомъ къ проливу, слѣдовательно и къ берегу Калабріи. Вооружась огромною морскою зрительною трубою, я установилъ ее, какъ могъ, между двумя камнями на балюстрадѣ и не спускалъ глазъ съ береговъ Неаполя. Далекое, длинное прибрежье, подернутое синевою, рисовалось лентою у подножія высокихъ горъ; тамъ и сямъ бѣлѣлись группы домовъ калабрійскихъ деревень. Алта-Фіумара и Торре-Кавалло молчали; даже Сцилла, болтливая крѣпость, одѣтая обыкновенно пеленою дыма отъ своихъ выстрѣловъ, оставалась безмолвною. На вершинѣ форта Делла-Лантерна, въ мессинской цитадели, телеграфъ, казалось, мучился въ судорогахъ: онъ поднимался, опускался, двигался, крутился, переворачивался, выдѣлывалъ въ воздухѣ зигзаги, скачки и метался, какъ человѣкъ, готовый утонуть. Ни одинъ неаполитанскій корабль не показывался на морѣ, покрытомъ бѣлыми барашками, гонимыми сѣвернымъ вѣтромъ; крейсера, еще вчера столь дѣятельные, исчезли. Инсургенціонныя огни были, безъ сомнѣнія, потушены, такъ какъ дымъ ихъ не поднимался черными столбами къ небу. У Фаро все было неподвижно; все, повидимому, заснуло тамъ: пушки и армія. На калабрійскомъ берегу, между зелеными деревьями, покрывающими скаты горъ, возлѣ круглой башенки—вѣроятно, мельницы, форта или телеграфа—я видѣлъ группы людей, приходившихъ, останавливавшихся, потомъ снова пускавшихся въ путь. Какого цвѣта была ихъ одежда, краснаго или синяго, разстояніе не позволяло мнѣ различить; я видѣлъ только переливы свѣта, отражавшагося на штыкахъ. Верховые быстро проѣзжали, какъ бы развозя приказанія. Я иногда закрывалъ усталые глаза и вслушивался; но никакой отдаленный звукъ не доносился до меня, слышался только шумъ большого города, лежавшаго у ногъ моихъ. Мнѣ казалось, что два войска, шедшія съ противоположныхъ сторонъ, остановились одно противъ

другаго. Эта остановка продолжалась долго. Потомъ войско, шедшее съ юга, отъ Реджіо къ Неаполю, снова пришло въ движеніе, продолжало начатый путь и вскорѣ исчезло изъ глазъ, закрытое мѣстностію. Я задавалъ себѣ безконечное множество вопросовъ и не умѣлъ отвѣтить на нихъ. Я стоялъ и смотрѣлъ, ничего не понимая, пока солнце не сѣло за горы Сициліи, покрывъ ихъ тѣнями проливъ. Я отправился тогда за справками въ главную квартиру, но тамъ ничего новаго не знали.

23 числа, въ 5 часовъ утра, мнѣ сообщили слѣдующую депешу, полученную ночью: «Диктаторъ генералу Сиртори. Двѣ бригады, Мелендеца и Бриганти, безусловно сдались. Мы завладѣли ихъ артиллерією, оружіемъ, вьючнымъ скотомъ, всю матеріальную частію и фортъ Пунта-делль-Пеццо». Наканунѣ, съ высоты моей обсерваторіи, я присутствовалъ при маршахъ и переговорахъ, приведшихъ къ этому результату. Наши хоры музыкантовъ снова пошли играть по городу, иллюминація возобновилась, повторились клики: «да здравствуетъ Италія!» и ворчанье значительно усилилось.

Вотъ что случилось въ это время:

Послѣ взятія Реджіо, Гарибальди направился черезъ горы, чтобы атаковать генерала Бриганти, расположившагося у Вилла-Санъ-Джіованни. По дорогѣ онъ встрѣтилъ бригаду Мелендеца и, не удостоивъ даже отвѣтомъ выстрѣлы, на него направленные, прошелъ мимо. Въ это время, Миссори, находившійся значительно впереди, занялъ позицію, позволявшую ему напасть на Неаполитанцевъ съ фланга, въ ту минуту, какъ диктаторъ поведетъ атаку съ фронта. Этотъ искусный маневръ показался, однакожъ, Гарибальди недостаточнымъ: по его приказанію, генералъ Козенцъ, сѣвшій ночью на суда въ Фаро, высадился до наступленія дня между Сциллою и Баньярой, овладѣлъ позицію Солано, совершилъ такой быстрый переходъ, что Неаполитанцы даже и не замѣтили его, и выстроился въ боевомъ порядкѣ въ тылу непріятели. Предъ началомъ сраженія съ королевскими войсками, Гарибальди увѣдомилъ генераловъ Бриганти и Мелендеца, уже соединившихся, о мѣрахъ, принятыхъ имъ для атаки. Три раза они отказывались отъ предложенія Гарибальди сдаться на капитуляцію; но диктатору не къ чему было торопиться: онъ могъ ждать, легъ подъ деревомъ и заснулъ. Проснувшись, онъ снова послалъ адъютанта парламентаромъ къ неаполитанскимъ

генераламъ и объявилъ, что если черезъ полчаса они не рѣшатся на сдачу, то онъ подастъ сигналъ къ атакѣ. Мелендецъ и Бриганты не могли заблуждаться: направо было море; налѣво стоялъ Миссори въ позиціи, командовавшей ими; сзади Козенцъ, готовый устремиться на нихъ съ вершины горы; съ фронта Гарибальди, съ войсками, разгоряченными еще боемъ, гордыми взятіемъ Реджіо. Держаться не было возможности. Они поняли это и положили оружіе, отдавая тѣмъ самымъ въ руки непріятеля крѣпостцу Пунта-делль-Пеццо, что влекло за собою и потерю форта Альта-Фіумара.

Обезоруженныя, пришедшія въ уныніе, утомленныя безпольными переходами, оскорбленныя тѣмъ, что ихъ побѣдили безъ боя, по милости нелѣпой позиціи, выбранной генералами, войска Бриганты и Мелендеца начали свое отступленіе по единственной дорогѣ, проходящей въ виду Торре-Кавалло и пролегающей чрезъ Сциллу. Гарнизоны этихъ крѣпостей — первая изъ нихъ незначительный фортъ, между двумя утесами — видя своихъ товарищей, которые отступали въ беспорядкѣ, безъ оружія, безъ артиллеріи, испугались мысли быть оставленными безъ помощи. Уныніе, такъ быстро распространяющееся въ крѣпостяхъ отъ томительной жизни, овладѣло ими. Не будучи даже атакованными, они оставили свои посты и предложили сами капитуляцію, которую, конечно, непріятель поспѣшно принялъ. Аксиома: *audaces fortuna juvat* (смѣлымъ счастье помогаетъ), подтвердилась еще разъ блестящимъ образомъ. Гарибальди оставилъ Сицилію ночью 19 августа, а вечеромъ 23 онъ уже взялъ Реджіо, принудилъ двѣ неаполитанскія бригады положить оружіе и овладѣлъ, безъ выстрѣла, фортами Альта-Фіумара, Пунта-делль-Пеццо, Торре-Кавалло и Сциллою. Проливъ былъ тоже въ его рукахъ. Неаполитанскія суда, теперь безпольныя, признали благоразумнымъ укрыться подъ стѣнами мессинской цитадели, и переправа, такъ страшившая нашу армію, становилась ничтожною морскою прогулкою. Улиссъ очаровалъ Сциллу и Харибду.

Съ этой минуты на сицилійскомъ берегу перестали дѣйствовать втайнѣ: отъ Таормины до Фаро, отъ Палермо до Меллаццо, начали открыто приготовляться къ переправѣ чрезъ проливъ и къ высадкѣ въ Калабрію. Лодки, стоявшія во внутреннихъ озерахъ Фаро, были выведены изъ нихъ совершенно оснащенными, готовыми принять людей, и поставлены у самой набережной

города. Въ Мессинѣ дѣйствовали еще проще: у набережной стояли пароходы, и наши солдаты, среди бѣлаго дня, подъ звуки трубъ и барабановъ, всходили на ихъ палубы. Цитадель, подъ выстрѣлами которой производилась вся эта операція, молчала. Что касается до неаполитанскихъ фрегатовъ, которые и теперь еще могли, дѣйствуя смѣло, нанести серьезный вредъ и потопить наши суда, то мы не знали даже, куда они дѣвались. Обогнули ли они всю Сицилію, или, воспользовавшись темнотою ночи, прошли чрезъ проливъ, никто изъ насъ не могъ на это отвѣтить; носился слухъ — и онъ оказался потомъ справедливымъ — что фрегаты ушли въ Неаполь.

Мессина была въ необыкновенномъ волненіи. Наши солдаты, поодиночкѣ, группами и цѣлыми ротами, расхаживали по улицамъ, направляясь въ портъ или въ Фаро, съ ружьемъ на плечѣ, съ сумой на спинѣ, веселые, большею частію поющіе и гордые новыми подвигами, имъ предстоявшими. Жители, смотря на нихъ, перебрасывались взаимно желаніями: «Да сопутствуетъ вамъ Мадонна!» — «Берегитесь роялистовъ!» — «Желаемъ уснѣха отъѣзжающимъ!» — «Дай Богъ счастья тѣмъ, кто остается!» — «Куда идете вы?» — «Въ Неаполь и въ Венецію!» — «Да здравствуетъ Италія!» — «Прощайте, прощайте!»

Такимъ образомъ, вмѣсто ночныхъ высадокъ по частямъ, которыя производилъ до сихъ поръ Гарибальди, по необходимому благоразумію, готовилась открыто совершиться общая высадка. Но я хочу еще сказать нѣсколько словъ о молодомъ чловѣкѣ, павшемъ въ одной изъ первыхъ высадокъ—смерть его опечалила всю нашу армію—я говорю о Полѣ де-Флоттѣ. Ведя авангардъ генерала Козенца, онъ, въ ночь съ 20 на 21 августа, направился въ Калабрию и достигъ безъ потери твердой земли, несмотря на нѣсколько разрывныхъ снарядовъ, брошенныхъ въ его отрядъ Неаполитанцами. По выходѣ на берегъ между Сициліей и Баньярой, ему слѣдовало подняться на высоты Аспромонте и открыть, такимъ образомъ, дорогу, которою Козенцъ долженъ былъ двигаться потомъ, чтобы занять позицію позади бригадъ Мелендеца и Бриганти. Еще была ночь, когда онъ двинулся въ путь во главѣ Англо-Французовъ. Де-Флоттъ командовалъ ими въ этотъ день въ качествѣ волонтера, потому что его прямыя обязанности касались до сихъ поръ исключительно морской службы; но Арабы справедливо говорятъ: «не

пуля убиваетъ человѣка — убиваетъ предназначеніе». На разсвѣтѣ онъ достигъ холма, возвышающагося надъ деревушкою Солано и занятаго неаполитанскимъ баталіономъ. Де-Флоттъ немедленно атаковалъ его, подавая собою солдатамъ примѣръ мужества, убилъ изъ револьвера одного непріятеля и двухъ взялъ въ плѣнъ. Неаполитанцы дрогнули и въ безпорядкѣ отступили къ деревнѣ; де-Флоттъ преслѣдовалъ ихъ. Въ одномъ изъ переулковъ, прикрытомъ рядомъ индѣйскихъ смоковницъ, Неаполитанецъ, спрятанный въ засадѣ, выстрѣлилъ въ него изъ ружья почти въ упоръ. Пуля ударила въ голову, раздробила височную кость и совершенно обнажила мозгъ. Де-Флоттъ проговорилъ нѣсколько неясныхъ словъ, зашатался и упалъ лицомъ къ землѣ. Когда люди подбѣжали и подняли его, онъ былъ уже мертвъ.

Странныя предчувствія преслѣдовали де-Флотта уже нѣсколько дней. «Я никогда никого не убивалъ—говорилъ онъ—и даже никогда не стрѣлялъ изъ ружья; если я убью хотя одного человѣка — а я убью только въ законномъ случаѣ личной защиты — то самъ буду убитъ: законы взаимности непреложны.» Какъ онъ предсказывалъ, такъ и случилось: онъ убилъ и самъ былъ тотчасъ же убитъ. Эти предчувствія, предрекавшія ему вѣрную смерть, ни въ чемъ его не измѣнили. Онъ обладалъ возвышенною храбростію, свойственною вѣрующимъ въ неизбѣжное предназначеніе. Въ различныхъ атакахъ, при многихъ фальшивыхъ высадкахъ, веденныхъ подъ его распоряженіемъ, онъ всегда стоялъ у руля, съ пренебреженіемъ подставляя выстрѣламъ непріятеля свою высокую фигуру, одѣтую въ красную рубашку. Странные слухи ходили объ этой смерти; ей приискивали самыя тягостныя истолкованія. Я не стану входить, однакожь, ни въ какія разсужденія по этому поводу; могу сказать только, что утомленіе коснулось уже этой души, способной на самыя возвышенныя стремленія. Но если безнадежность простительна, то, конечно, лишь послѣ бесплодныхъ усилій, разбитыхъ мечтаній и обманутыхъ надеждъ. Играло ли отчаяніе какую нибудь роль въ его смерти, не знаю; но я убѣжденъ, что Франція подарила въ немъ дѣлу итальянской независимости одного изъ благороднѣйшихъ сыновъ своихъ, и вотъ все, что слѣдуетъ намъ знать.

Несмотря на свою жажду дѣятельности, де-Флоттъ былъ мистикомъ и вслѣдствіе противорѣчія, нерѣдкаго во француз-

скомъ характерѣ, дѣйствовалъ и мечталъ въ одно и то же время. Отрекшись отъ убѣжденій своей касты, онъ смѣло устремился къ будущности, которая, подобно горизонту, отступаетъ по мѣрѣ нашего приближенія.

Съ высоты трибуны нашего законодательнаго собранія (1), онъ произносилъ глубокія по смыслу рѣчи, снискавшія ему уваженіе политическихъ его противниковъ; строгость его рѣчей, носившихъ отчасти характеръ религіозной метафизики и приводившихъ всегда сужденія о какомъ либо предметѣ къ вопросамъ о принципахъ, не всегда понималась правильно собраніемъ людей, которыхъ страсти, раздраженныя опасеніями и безумными надеждами, сталкивались между собою съ невѣроятною силою..... Печальный и серьезный, невзирая на молодость (2), онъ, въ пылу ожесточенной борьбы партій, давалъ предостереженія, оправданныя послѣдствіями, но которыхъ въ то время никто не хотѣлъ слушать. Измѣняя смыслъ знаменитаго выраженія Шатобріана, онъ могъ сказать: «Inutile Cassandre, j'ai assez fatigué la patrie de mes avertissements dédaignés. Il ne me reste plus qu'à m'asseoir sur les débris d'un naufrage que j'ai tant de fois prédit.» (Я, бесполезная Кассандра, довольно утомила уже отечество моими отвергнутыми предостереженіями. Миѣ остается только возсѣсть на обломкахъ крушенія, столько разъ мною предсказаннаго.)

Де-Флоттъ былъ принятъ законодательнымъ собраніемъ въ число членовъ послѣ нѣкотораго колебанія (3): въ немъ продолжали видѣть іюньскаго бунтовщика. Участвовалъ ли онъ дѣйствительно въ этомъ горестномъ возстаніи? Можетъ быть, увлеченный огнемъ мистицизма, онъ въ самомъ дѣлѣ вмѣшался въ эту безумную борьбу: въ такомъ случаѣ онъ не правъ....

Взойдя на трибуну (4), чтобы отвѣчать на слова, лично противъ него направленныя во время бурныхъ преній о законѣ 31 мая 1850 года, де-Флоттъ возражалъ такъ спокойно, съ такимъ глубокимъ смысломъ, что привелъ въ недоумѣніе своихъ противниковъ, видѣвшихъ въ немъ какого-то краснаго людюѣда,

(1) 10 марта 1850 г., онъ былъ избранъ, 126,882 голосами, представителемъ Парижа въ законодательномъ собраніи.

(2) Онъ родился 1 февраля 1817 года.

(3) Засѣданіе 21 марта 1850 г. Докладчикъ Донжуа представилъ заключеніе о недопущеніи.

(4) Засѣданіе 25 мая 1850 года.

всегда готоваго на борьбу и взывающаго только къ ненависти. Напротивъ того, онъ былъ воплощенною кротостію. Еще прежде (*), онъ произнесъ фразу, заставившую серьезно задуматься умы наиболѣе предубѣжденные. «Нѣсколько дней тому назадъ—сказалъ онъ—въ этомъ самомъ собраніи обсуждался законъ о ссылкѣ. Говорили о вредномъ климатѣ острововъ Океаніи; кто-то выразилъ мнѣніе, что населеніе тамъ быстро уменьшается. Если бы уменьшеніе происходило отъ дурнаго климата, то этотъ же климатъ не допустилъ бы народонаселеніе первоначально возрасти. Но дѣло не такъ: жители острововъ Океаніи умираютъ оттого, что надъ ними нѣтъ власти. Дѣйствительно, всякій народъ долженъ имѣть общность въ понятіяхъ, общую мѣру для сужденія о поступкахъ человѣческихъ, и *эта общая мѣра, всѣми признаваемая, есть власть.*» Подобныя слова удивляли, заставляли размышлять и, къ несчастію, скоро забывались посреди парламентской борьбы двухъ крайнихъ партій, непрерывно нападавшихъ одна на другую съ возгласомъ: «я—общество». Де-Флоттъ душевно огорчался подобнымъ положеніемъ дѣлъ и, отвѣчая на прямыя нападки, окончилъ такъ: «Я съ прискорбіемъ вижу, что въ этомъ собраніи всѣ вопросы, стремящіеся къ изслѣдованію принциповъ и даже методъ излагать вопросъ такимъ образомъ, чтобы его возможно было подвести подъ принципы, отвергаются вами. Въ этомъ заключается причина огромныхъ затрудненій относительно управленія людьми. До тѣхъ поръ, пока вы не займетесь вопросомъ о принципахъ, ваше правленіе всегда будетъ имѣть, несмотря на всѣ старанія, видъ правленія партій».

Его политическая карьера была неожиданно прервана происшествіями 2 декабря 1851 года. Онъ былъ въ числѣ сопротивлявшихся, и въ Парижѣ разнесся, однажды вечеромъ, слухъ о его смерти. Присужденный къ изгнанію, онъ не хотѣлъ, однакожь, оставить Францію и вступилъ, подъ вымышленнымъ именемъ, въ управленіе одной изъ желѣзныхъ дорогъ. Здѣсь, благодаря своимъ специальнымъ познаніямъ, приобретеннымъ прежде, когда онъ былъ морскимъ офицеромъ, де-Флоттъ оказалъ услуги, доставившія ему важное мѣсто,—важное относительно, потому что онъ былъ скромнень и неприхотливъ. Оставивъ все,

(*) Засѣданіе 21 мая 1850 года.

де-Флоттъ поспѣшилъ въ Сицилію, подъ знамена Гарибальди. Ему было сорокъ-два съ половиною года.

Е. Форкадъ писалъ (*): «До сихъ поръ итальянская революція стояла жизни, въ обоихъ противныхъ лагеряхъ, только двумя замѣчательнымъ людямъ. Зачѣмъ случилось такъ, что эти обѣ жертвы были Французы: де-Флоттъ и де-Пимоданъ?» Но такъ и слѣдовало быть: оба павшіе человѣка, благородные и безкорыстные, были бойцами двухъ противоположныхъ принциповъ, столько лѣтъ находящихся въ борьбѣ въ самой Франціи. Де-Флоттъ и де-Пимоданъ пользовались оба, каждый въ своей партіи, безграничною любовью и истиннымъ уваженіемъ; они были — что рѣдко случается въ настоящую эпоху, когда сила матеріальныхъ интересовъ сближаетъ самыя противоположныя мнѣнія, сообразно требованіямъ данной минуты—они были, говорю я, непреклонно послѣдовательны въ своихъ принципахъ: одинъ—противникъ французской революціи по убѣжденію, бывшій адъютантъ Радецкаго и Виндишгреца — дрался за монархическую власть; другой, искавшій вездѣ сторонниковъ французской революціи, солдатъ баррикадъ, сражался за идею, облеченную въ самую насильственную форму — форму вооруженнаго возстанія. Каждый изъ нихъ олицетворялъ собою одно изъ двухъ свойствъ Франціи, отличающейся противорѣчіями, — свойствъ, называемыхъ обыкновенно рутинною и авантюризмомъ.... Съ своей стороны, я не жалѣю о смерти этихъ двухъ людей, столь различныхъ по первому взгляду и столь сходныхъ въ сущности по самоотверженію, храбрости и преданности: оба пали за дѣло, по доброй волѣ ими избранное.»

(*) Revue des Deux Mondes, 1 Octobre 1860, p. 734.